

**Статьи анапских историков и краеведов
об Анапе в годы Великой Отечественной войны**

Оглавление

Анапа в канун фашистской оккупации	2
Портрет Анапы 1943 года.....	11
Анапа в оккупации: механизм выживания гражданского населения	19
Анапа в годы Великой Отечественной войны	32
Партизанское движение в Анапском районе в 1942-1943 гг.	41
Звание героя получил за освобождение Анапской земли.....	47
Дежурный считается на посту как часовой... ..	50
Восстановим наш город.....	55

Анапа в канун фашистской оккупации

Е.И.Маклюк (по воспоминаниям анапчан

З.Н.Орешниковой, Н.П.Овсянникова, А.А.Жернового)

Великая Отечественная война для Анапы началась сразу же после 22 июня 1941 г., когда началась в Анапе мобилизация мужчин на фронт. Среди них было много добровольцев.

В городе был сформирован истребительный батальон, входивший в войска НКВД. Первоначально он располагался на территории санатория имени Крупской и имел название "истребительный батальон № 66". Командиром был назначен старший лейтенант Корчагин, начальником штаба - Окунь, комиссаром – Кравченко Дмитрий Алексеевич. Истребительный батальон должен был уничтожать диверсантов и шпионов, а в случае необходимости – вывозить или уничтожать ценное имущество при отходе советских войск.

Отбор в батальон был очень тщательный, учитывалось всё - возраст, здоровье, биография, партийная и комсомольская принадлежность, активность и авторитет на работе. Общая численность батальона составляла 150 человек.

Отдельно была подобрана группа девушек - санитарок. Для маскировки города был отдан нелепый приказ. Не зная, как проходят ночные бомбардировки, руководство города приказало все белые дома и заборы выкрасить в черный цвет, что было немедленно выполнено с помощью сажи из печных труб. К сожалению, это не помогло.

Вечером город погружался в полную темноту, так как по дворам и улицам ходили квартальные и общественность, проверяя, все ли окна тщательно замаскированы и не пробивается ли свет из окон. Начались перебои с хлебом и продуктами. Многие сушили сухари впрок. Затем хлеб стали продавать нормированно, по карточкам. У хлебных магазинов скапливались громадные очереди. Хлебозавод работал с перебоями, поэтому приходилось в очередях стоять и ночью.

Очередники записывали номера на ладонях химическим карандашом. Чаще всего в очереди отправляли школьников, т. к. приходилось иногда стоять в очереди по двое суток.

Днём у громкоговорителя на улицах всегда толпились люди, которые слушали неутешительные передачи последних новостей. При входе в городской сквер, со стороны улицы Пушкинской, был установлен на двух столбах огромный фанерный щит с нарисованной картой СССР и его европейскими соседями. Поперек карты от Баренцева до Черного морей на гвоздиках крепилась красная ленточка, которая фиксировала положение фронта на данный момент по сводкам Информбюро. Предполагалось, что ленточка должна была показывать победы Красной Армии, а получилось наоборот. Последними городами, которые отмечала эта ленточка, были оставленные города Украины - Первомайск и Кировоград. После этого ленточку сняли, а щит сгорел во время бомбежки.

В небе Анапы появились первые вражеские самолёты, которые после бомбёжки порта Новороссийска возвращались в Крым и нагло, на небольшой высоте проносились над Анапой. Но город пока не бомбили. Первые 2 взрыва раздались в конце июля 1941 г. в районе Анапской бухты. Посыпались стекла в гостинице "Вторая пятилетка" и в домах на Набережной улице.

Регулярные бомбежки начались ровно через десять дней, когда в 22 часа 2 бомбы упали на квартал жилых домов между улицами Терская и Горького. Были убиты и ранены мирные жители и красноармейцы. С этого времени регулярно бомбили порт.

Мирному населению для защиты от налетов было приказано выкопать в каждом дворе, на улицах, в школах специальные зигзагообразные траншеи - убежища. Сверху от осколков зенитных снарядов и пуль самолетов траншеи накрывали бревнами, досками и засыпали толстым слоем земли. Сначала для покрытий разрешалось пилить на улицах Анапы каждое второе дерево, но потом все акации, которыми гордился город, были вырублены на дрова. Готовность траншей принимала милиция.

Приближение немецких самолетов фиксировала передвижная радиолокационная станция. Таких станций на всем Черноморском побережье Кубани было всего две - в Новороссийске и Анапе. Радиолокационная станция передавала сигнал на зенитную батарею на Якорном мысу у Курзала. На батарее били в висящую пустую гильзу от снаряда, что означало "ТРЕВОГА!". Сигнал передавался и в штаб ПВО (противовоздушная оборона) города. На крыше горсовета была установлена электросирена, которая оповещала людей об опасности.

Сирена гудела непрерывно. Ее звук дублировался гудками винзавода и ручной сиреной в порту. Местное радио объявляло: "Граждане! По городу объявлена воздушная тревога!" После окончания бомбежки объявлялось: "Отбой!" Сирены в этом случае ревели сплошным звуком, также гудел гудок винзавода. Радио сообщало: "Отбой воздушной тревоги! Отбой!" Город защищали зенитные батареи среднего калибра в Джемете, Бимлюке, у Якорного мыса, у бойни и хлопкового завода. На катерах-охотниках в порту и на автомашинах-полуторках, стоящих на перекрестках улиц, имелись пулеметные установки. Во время ночных бомбёжек немцы сбрасывали осветительные бомбы на парашютах - освещение было как днем. А после этого начиналось в небе смертоносное действо - летели бомбы, стреляли зенитки, пулемёты и самолёты, лучи прожекторов с аэродрома и Джемете освещали небо.

С 19 часов вечера и до 6 утра в городе объявлялся комендантский час. Истребительный батальон перевели на казарменное положение. Все предприятия города работали. Особенно много было работы у МТС (машинно-тракторная станция), которая готовила технику к севу, не зная еще, что эта техника не пригодится. Бойцы истребительного батальона охраняли ночью райком партии, почту, телеграф, радиостанцию, порт, патрулировали улицы города.

После осады Одессы фашистами в Анапе началась вторая волна мобилизации. После мобилизации в истребительный батальон было принято много школьников, особенно из школы № 7. Так в отряд, кроме Николая

Овсянникова и Николая Краба, попали Слава Еременко, братья Арсентий и Алексей Савицкие, Алексей Черненко, Борис Шпарага, Виктор Коробов. Здесь же в батальоне ребят-добровольцев приняли в комсомол, хотя им было только 15 лет, а в комсомол принимали тогда с 16 лет.

Молодежь собрали во взвод из 24 человек и назвали его "комсомольско-молодежным". Командиром назначили закончившего школу Жору Широчинского. Этот взвод был передан в помощь заградительному отряду НКВД, для выполнения специальных заданий. На эти задания моршкала тоже выделяла 20 - 30 матросов. Разговоры в группе запрещались. Чаще всего производились аресты и высылки так называемых "неблагонадежных".

Первая волна высылки в городе была в 1939 г., в 1942 г. - вторая. Выселяли греков, греческо-подданных, турецко-подданных, немцев и русских по спискам НКВД. Считалось, что они опасны, недостойны доверия в военное время.

Выселение происходило так: в дом, двор или квартиру приходили милиция и работники НКВД. Хозяевам объявлялось, что они выселяются из города, им на сборы давалось определенное время. В зависимости от того, в какую категорию попадали люди - более неблагонадежных, менее или просто неблагонадежных, им на сборы давали 2,4, 6 часов или даже сутки. Были такие, которых брали сразу под надзор или охрану. Этим людям не разрешалось отлучаться из дома, двора, нельзя было общаться с соседями, родственниками. Выселяемых после сбора увозили во двор НКВД, располагавшегося на улице Ленина. Двор был огорожен высокой стеной. Затем их погружали в кузова грузовиков, которые мобилизовывались у предприятий города. Выселяемых под конвоем со станции Тоннельная отправляли на Кавказ или через Баку в Сибирь и Среднюю Азию. Конвоирами часто были бойцы истребительного батальона.

Уезжали из города и те, кто искал безопасное место для себя и своей семьи. Пассажирское предприятие имело всего 5 автобусов, поэтому люди передвигались на попутном транспорте.

1 сентября 1941 г. в школы города пришло значительно меньше учеников. Многие бросили учёбу, так как ночью стояли в очередях за хлебом, а утром отсыпались. Во время бомбёжки занятия прерывались на несколько часов. Срывались уроки, расписание нарушалось. Поредевшие классы объединялись. Иногда ребят из истребительного батальона вызывали по тревоге связными прямо с урока. Малому количеству учеников уже не нужно было такое большое помещение, поэтому в октябре школу перевели в здание, где до войны учились анапские греки на родном языке. После высылки "неблагонадёжных" греков школу закрыли, а учеников перевели из русской школы.

В это красивое здание греческой школы по улице Кирова и перевели школу № 2. Директором назначили Швемберга Михаила Эрнестовича. Во дворе вырыли траншеи-убежища, в которых прятались ученики во время бомбёжек. Мальчики очень часто прыгали во двор или на улицу из окон класса и наблюдали за самолётами.

В конце октября истребительный батальон начал занятия на пустыре у аэродрома. Бросали гранаты, стреляли по мишеням боевыми патронами, в макет танка бросали бутылки с горючей смесью. Специальный военный инструктор привозил на занятия немецкие зажигательные авиабомбы. Он молотком ударял по взрывателю, бомба загоралась. Инструктор с помощью длинных клещей бросал бомбу в бочку с водой и гасил ее. Более тяжелые бомбы в 50 и 100 кг тушились песком. Эта наука очень пригодилась бойцам во время патрулирования города. Кроме стрельбы, отрабатывались приемы рукопашного боя и умения бесшумно снять часового. Для опознавания самолетов противника бойцы по фотографиям изучали технические и внешние данные вражеских самолетов. Также изучались военная форма и знаки различия немецких и румынских войск.

Знания по маскировке на местности и топографии спасли не одному бойцу жизнь. В декабре 1941 г. советское командование предприняло попытки снять фашистскую блокаду Севастополя. Анапа и Новороссийск стали центрами снабжения Красной Армии в Крыму.

В анапском порту сконцентрировали множество плавсредств - от мелких фелюг до огромных буксирных барж. Погода была хорошая, и можно было не опасаться "норд-оста". В городе и ближайших станицах ждали отправки двух казачьих дивизий - Донской и Кубанской. У Кубанской верх кубанок и башлыки были красного цвета, а у Донской - голубого. Командиром Кубанской дивизии был буденовец, генерал-майор Книга, который воевал на Кубани и Ставрополье еще в гражданскую войну.

Для сопровождения транспортов в Крым в порту находились торпедные катера и катера-охотники. Казакам и красноармейцам были розданы листовки с приказом Сталина взять к Новому году Крым любой ценой. В левом верхнем углу листовки в рамке была надпись "Прочти и порви!". Ни о какой секретности при таком количестве листовок не могло быть и речи. Переброска советских войск для фашистов не была секретом, так как с воздуха они давно провели разведку самолетом, который в народе называли "Рамой". После полета "Рамы" чаще всего следовала бомбежка. В самом городе было поймано 15 диверсантов, которые ночью стрельбой из ракетниц наводили фашистские самолеты на цели.

В предновогодние дни военные суда из Анапкой бухты вышли в открытое море и направились в Крым. В море они соединились с такими же судами из Новороссийска и Геленджика. Им удалось благополучно преодолеть 90 км пути. А высаживаться в Крыму пришлось с большими потерями. Даже в Анапе было видно зарево от пожаров, были слышны канонада и взрывы. Часть грузов в Керчь перевозилась транспортными колоннами. В феврале 1942 г. на фронт ушел во время мобилизации командир истребительного батальона Корчагин, на его место был назначен сержант милиции Грецкий, а сам батальон перевели в санаторий " Ривьера" у самого порта. Обстановка в Анапе обострилась, бомбежки стали регулярными.

Из Крыма покореженные суда везли раненых. Их разместили во всех домах отдыха, санаториях, школах и даже в казармах 19-го века в Анапской крепости. Санитарный отряд батальона оказывал раненым помощь. 23 февраля,

понимая, какой этот день, фашисты особенно сильно бомбили. Несмотря на это, в Курзале в городском театре проводилось торжественное собрание, посвященное празднику. Единственное место, которое фашисты не бомбили, был район маяка, видимо, они берегли маяк для себя. Поэтому рядом с маяком в жилом доме разместили городскую радиостанцию. Начальником радиостанции был Анатолий Ярилов, которого звали за операцию на горле "серебряное горлышко".

Во время оккупации он станет предателем. Бомбежки Анапы начинались ежедневно ровно в 20 часов, но с 17 апреля, когда советские истребители сбили за одну ночь 14 фашистских бомбардировщиков, налеты стали реже. В городе начал работать кинотеатр "Спартак". В середине фильма объявлялась тревога, зрители выбегали из зала, а после команды "отбой" досматривали фильм. Во время одного из налетов в 15 часов три "Юнкерса-88" сбросили на город три бомбы по 500 кг. Одна из бомб точно попала в городской телеграф по улице Ленина.

В обломках погибли жители, связистки, шифровальщицы и боец истребительного батальона учитель Зарецкий. Две другие бомбы попали в здание техникума на Черноморской улице и во двор греческой школы, разрушив эти здания. Жертв среди населения было очень много, так как воздушную тревогу почему-то не объявили. Винзавод города попытался вывести свою продукцию из города.

Бочками с вином и коньяком была заставлена вся пристань и набережная от спасательной станции до гостиницы "Вторая пятилетка" в два ряда. На самом винзаводе началось демонтажное, или уничтожение, механического оборудования. То же происходило на других предприятиях. Оставалась еще надежда вывезти продукцию и оборудование баржами на Кавказ, но потом и этой возможности не стало. Винзавод стал уничтожать запасы вина. Через трубопровод вино сбрасывалось в море, но запасов было так много, что вино стали сбрасывать в канализацию. Спирт, коньяк, вино текли по дождевому кювету улицы Шевченко до улицы Черноморской, а затем через весь город в

море. В порту били бочки с вином, выливали его в воду, чтобы оно не попало немцам.

Пришел и стал на рейде знаменитый бриг "Вега", то самое парусное судно, которое снималось в фильмах "Дети капитана Гранта" и "Остров сокровищ". До этого его берегли в порту Поти, так как парусников в СССР было только два. Потери плавсредств в Крыму были так велики, что "Вегу" стали использовать для доставки боеприпасов. Потери в командах компенсировали матросами из Анапы. Именно на "Веге" в последние дни августа 1942 г. в Новороссийск вывозили из моршколы документы и ценное имущество. 12 июля пал Севастополь.

Над Анапой нависла угроза высадки немецкого десанта. От Высокого берега в районе кладбища до винзавода "Джемете" начали строить оборонительные рубежи: две гаубичные батареи, легкая артиллерия и зенитки приспособили для ведения огня по наземным целям.

На пляже в 10 -15 м от уреза воды и в самой воде были вбиты колья, на которые саперы натянули проволочное ограждение. Край пляжа был заминирован. 3 июля 1942 г. истребительный батальон перевели на казарменное положение № 1, то есть дежурства стали круглосуточными и ежедневными. Предполагалось построить 4 дота, из которых построили только два: в середине земляного вала турецкой крепости на улице Серебряной (ул. Ив. Голубца) и по улице Протапова. 2 июля на город одновременно налетели 50 фашистских самолетов, которые нанесли городу очень большой урон: сожгли 2 торпедных катера, затопили катер-сторожевик и судно лесовоз, взорвали полный боеприпасов склад у порта, порвали провода электролинии и телефонной связи. Истребительный батальон перевели в санаторий "Мукомол" - на выезде из города. 9 августа в Анапе была проведена последняя мобилизация мужчин 1924-1925 годов рождения. У военкомата, переведенного на Нижегородскую улицу (ул. Самбулова), собралось около 100 человек. Транспорта не было, и они должны были за три дня дойти до Краснодарского

военкомата. Старшим был назначен сержант Осадчий. Защищать Анапу было некому.

16 августа немцы повторяли массированные налеты на город, порт и аэродром ночью и днем. Над городом висело плотное облако пыли, гари, винных паров, трупного запаха убитых бомбежкой людей, так как хоронить было некому. 20 августа в истребительном батальоне была объявлена тревога. Было приказано идти в село Варваровка, но не строем, а по 2-3 человека или поодиночке.

Бойцы простились с родными и утром ушли в Варваровку, так как фашисты были уже у Тоннельной. Моряки моршколы на весельных ялах отправились в Геленджик под руководством лейтенанта Григорьева. Остальные подожгли казармы моршколы, чтобы они не достались фашистам, и пошли на прорыв к Новороссийску в части Красной Армии. Среди этих матросов был младший политрук Николай Старшинов, который 1943 г. на Малой земле станет Героем Советского Союза.

В Варваровке собрались не только бойцы истребительного батальона, но и рыбаки рыбколхоза им. Сталина, рабочие рыбцеха Анапы и Сукко со своими председателями. К вечеру подошли работники уголовного розыска, НКВД, милиции, рабочие и служащие винзавода, стройконторы, горсовета, райисполкома. Всего около 200 человек. Судьба каждого решалась в штабе начальником НКВД Булавенко, секретарем райкома партии Терещенко, командиром роты истребительного батальона Салашиным, комиссаром Кравченко и начальником штаба Окунем. Здесь же присутствовал секретарь крайкома партии Егоров.

После индивидуальной беседы с каждым пришедшим были сформированы три партизанских отряда под руководством Приходько, Терещенко и Булавенко. Не попавшим в списки людям, а их было около 40 человек, предложили идти горами в Новороссийск и сражаться в Красной Армии. Так они и поступили. Для отрядов начались партизанские будни.

Портрет Анапы 1943 года

Лемякина З. Н.

Наше прошлое бывает... священным...

(Из письма П. Я. Крутько художнику Корецкому)

Семьдесят лет назад, в памятные дни сентября 1943 года и освобождения города от фашистов, фронтовая газета 18-й армии Северо-Кавказского фронта «Знамя Родины» писала: «Город наш! Истерзанный, взорванный, измученный, но наш, советский город!». Это об Анапе, и это первый документ и самый точный портрет города после двух с лишним лет войны, из которых с 30 августа 1942 по 21 сентября 1943 года - оккупация.

Части двигались дальше на Тамань, освобождая район, шли воздушные бои, десантные морские операции и предстояла, несравнимая ни с чем по мужеству, переправа через Керченский пролив, а за нею тяжелые бои по освобождению Крыма. Анапа застыла в руинах... На пляже под ласковым сентябрьским солнцем лежала выброшенная на берег пробитая баржа - свидетель и участник эвакуации людей из Крыма летом сорок второго...

С лета 1941 года и до конца боев за Крым Анапа находилась под прицелом как с воздуха, так и с моря. Город и порт Анапа, как пограничная территория, были объявлены на военном положении сразу, ещё в июне 1941 года, а в августе 1942-го были определены в качестве передового оборонительного района города Новороссийска.

Уже с сентября 1941 года отдельные вражеские самолеты, прорываясь к Новороссийску, сбрасывали свой смертоносный груз на город-порт и стремились уничтожить постоянную морскую связь, которая существовала между Новороссийском и Крымом. Так, в ночь с 1 на 2 марта 1942 года вблизи Анапы, на траверзе мыса Большой Утриш, было торпедировано самолетами транспортное судно «Фабрициус», шедшее из Новороссийска в Камыш-Бурун с бойцами, минометами, повозками, лошадьми и фуражом. Тонувшее судно с экипажем, отбуксированное пароходом «Чапаев» на мель, похоронив погибших

членов экипажа на берегу и заделав пробоины, осталось на мели вблизи Утриша.

Экипаж гражданского судна во главе с капитаном М.И. Григором, оставшись на корабле, принял бессменную вахту в море, сообщая по радию о вражеских самолетах, шедших на Новороссийск. Пять месяцев, отражая налеты и став опорным постом, экипаж «Фабрициуса» сражался у берегов Анапы. В августе 1942 года приказом он был снят со своего израненного судна и передан в распоряжение Новороссийской военно-морской базы. Капитан судна Михаил Иванович Григор был награжден за подвиг орденом Боевого Красного Знамени.

О действиях этого морского поста и подвиге экипажа в ту военную пору в Анапе хорошо знали. Знали не только в школе морских пограничников, державшей с судном постоянную связь и поддерживающей их, знали анапские рыбаки, жившие в Утришском рыбацком хозяйстве, и, конечно же, знали все, кто был непосредственно связан с событиями, происходившими в районе побережья прифронтовой полосы.

Подвиг транспортного судна «Фабрициус» у берегов Анапы вошел в историю Черноморского флота и увековечен в мемориальной надписи плиты на Графской пристани в городе-герое Севастополе и на диораме в музее флота в городе-герое Одессе. На Утрише, на берегу, установлена памятная плита с надписью над могилами моряков, а на оконечности мыса Утриш в 1975 году установлен новый маяк-Памятник черноморцам, увековечивший в каменном рельефе символический образ всех моряков - героев, погибших на море у берегов Анапы.

В числе массированных налетов вражеских самолетов на Анапу в 1942 году отмечены июнь - 88 налетов и день 7 августа, когда 22 вражеских бомбардировщика, т.н. «мессеры» и «юнкерсы», под прикрытием еще 12 самолетов в течение часа бомбили город и порт, сбросив сорок три бомбы. Для небольшого городка, каким была довоенная Анапа, этого было достаточно много. И если мы сегодня называем страшную цифру - 75% города было разрушено в годы войны, то, наверное, большая часть из этой достоверной

цифры относятся к лету сорок второго... Трудно понять, как уцелел Свято-Онуфриевский храм рядом с бывшим санаторием «Красная Звезда», разрушенным и обезглавленным, как и большинство крупных зданий в городе. Почти рядом с храмом, со стороны моря, фугасная бомба буквально размела прекрасное здание женской гимназии дореволюционной постройки...

Отдельной строкой в этом очерке о мужестве и стойкости города должен быть рассказ о батареях Анапского укрепленного сектора, входившего в состав Новороссийской военно-морской базы. Они держали оборону на пути врага на суше от Утриша до Благовещенской, с начала войны и до последнего дня августа 1942 года, когда многие из них погибли в неравной схватке, удерживая рубежи, и враг основными силами вышел к окраине города с севера и с востока.

И по сей день по Пионерскому проспекту, недалеко от моря, сохранились остатки бетонного основания боевого орудия главного калибра с эскадренного миноносца «Шаумян», участвовавшего в боях за Одессу и Севастополь. Это печальный знак о стоявшем здесь орудии и память о бесстрашных артиллеристах, вышедших из окружения... последними. Земля в районе действия стационарной батареи БС-464 была перепахана от снарядов и мин. Рядом с этим памятником войны расположился сегодня прекрасный детский санаторий золотого песчаного побережья Анапы «Жемчужина России».

Тогда, к августу 1942 года, из Анапы уже перебазировался в район Фальшивого Геленджика отряд, сформированный на базе школы морских пограничников и переданный в распоряжение штаба разведотдела Новороссийской военно-морской базы под командованием контр-адмирала Г.Н. Холостякова. Военный городок на окраине города Анапы - здания военной школы и жилые трехэтажные корпуса домов стояли без крыш, разрушенные и черные от бомбежек.

Уходя из города, партизаны вместе с влившимися в их отряды бойцами истребительного батальона по заданию штаба уничтожали отдельные объекты города, дабы ими не воспользовался враг, как это делали и воины, когда не могли забрать орудия или материальные ценности. Партизаны, как хозяева

района, не оставили врагам и винзаводское хозяйство. Они взорвали оборудование, выпустив в землю запасы бесценных марочных вин в городе. Спустя годы об этом эпизоде войны сложили песню «Анапа - "Черные глаза", была военная гроза, завод взорвали, в бой спеша, и потекла твоя душа».

Оккупация Анапы с 31 августа 1942 по 21 сентября 1943 г. превратила собственно город в руках гитлеровцев в укрепленную перевалочную базу на пути из Тамани в Новороссийск. По высокому морскому берегу, по улице города со следами остатков рва, некогда опоясывавшего крепость Анапу, были возведены бетонированные долговременные огневые точки с укрытием, так называемые ДОТы, ДЗОТы, колючая проволока, заминированное песчаное мелководье, особый режим в районе порта и прилегающей к нему территории.

Все это должно было упредить действия наших войск с моря, суши и высадку десанта на песчаном пляже. Судьба самого города и его жителей похожа на судьбы многих городов, переживших оккупацию. Но есть еще один трагический момент в судьбе Анапы. В сентябре 1943 года, когда гитлеровцы поняли неизбежность поражения в битве за Северный Кавказ, они стали методично и выборочно минировать важные объекты социального назначения, сохранившиеся в городе, готовя их к уничтожению. Горожане, видевшие и понимавшие значение этой фашистской акции, следили за всем, а иногда и упреждали происходившее.

Так, по свидетельству очевидцев, старейший врач города В.А. Антонова, оставшаяся в оккупированном городе и бывшая главврачом больницы, встретив немецких саперов, пришедших в больницу для минирования, остановила их. ... Понимая тщетность уговоров,

В.А. Антонова убедила их потрясающим жестом: она сняла со своей груди дорогой медальон (говорят, что это был образок...) и отдала его гитлеровцам. Они проверили его на ценность простейшим способом... Больница была спасена. Кстати, в книге приказов по анапской больнице об этом эпизоде, конечно, нет записей, зато о том, что в город вступила Советская армия,

сказано дословно следующее: «21 сентября вечером вступила в город Анапу Красная Армия – период оккупации закончен» и подпись: «Врач Антонова».

Правда, в предисловии к приказу № 1 от 22 сентября 1943 года она скрупулезно отмечает те разрушения в двух корпусах, которые произведены нашими летчиками при поддержке с воздуха действий наших войск с суши и моря во время наступления.

В журнале боевых действий 18-й армии за 21 сентября 1943 года также отмечено число и время взятия города: «В 20.00, после упорного боя, войска полностью овладели городом Анапа».

Есть в этом журнале боевых действий еще один важный момент из истории взятия города: «Значительную роль в боях за город сыграли танки гвардейского полка прорыва. У входа в город захвачен комендант Анапского порта...», «...в разных частях города захвачены саперные части, минировавшие город...». И далее: «Большую помощь нашим передовым частям в уличных боях оказало население Анапы...» и, как подтверждение, приводится факт уничтожения танкистами пяти огневых точек благодаря седебородому старику Онуфрию, «фамилию установить не удалось», вызвавшемуся показать эти огневые точки, когда танк командира Дмитриева остановился на улице в начале города, чтобы сориентироваться в обстановке боя.

Наступление продолжалось стремительно, сдерживала этот порыв необходимость разминирования. Эту смертельно опасную работу выполняли наши саперные подразделения, и без помощи анапчан и захваченных вражеских минеров эта операция была бы гораздо сложнее.

Рядом с городом в районе укрепленной гитлеровцами высоты у хутора Курбацкого еще трое суток, 22, 23 и 24 сентября, шел бой оставленного подразделения 89-й стрелковой дивизии, в полосе действия которой оказался вражеский ДЗОТ, а основные силы 18-й армии двигались дальше и сражались в северной части района, выполняя приказ - «На Тамань!» Прошли десятилетия, прежде чем мемориал у этой высоты увековечил подвиг ст. сержанта Сурена Сумбатовича Аракеляна, когда стало известно, что 24 сентября 1943 года

амбразуру ДЗОТа закрыл воин, решив исход штурма высоты, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

Во фронтовой газете «Знамя Родины» в номере за 23 сентября 1943 года помещен снимок фронтовых корреспондентов, на котором изображен момент, когда на улице города жители приветствуют советский танк, а на другом снимке из военного архива-встреча жителей с освободителями. Военный корреспондент снял их рядом с разрушенным санаторием и храмом Святого Онуфрия. С жителями вместе и батюшка в белом облачении, служивший в храме в период оккупации.

Военные корреспонденты больше всего после Новороссийска были поражены тем, что Анапа оказалась живой: их встречали жители в этом «истерзанном, взорванном и измученном» городе.

Прошло всего три года после окончания войны – и в городе начали восстанавливать музей, разоренный войной, как и сам город. Музей восстанавливал историю нашей земли, заново собирая экспонаты, свидетельствующие о людях, событиях и, конечно же, о войне.

Но как рассказать о самом городе, живущем на этой древней и возрождающейся земле. И вот вскоре, когда еще свежи были в памяти воспоминания, не зажили раны и ничего не забывающие матери хранили в сердцах и памяти погибших и не вернувшихся с войны сыновей и мужей, решили, что нужен портрет самого города в годы войны.

В городе нашем жил замечательный художник, который не расставался с Анапой никогда и любил эту землю, писал ее неповторимые пейзажи, исторические события, связанные с жизнью нашего города, знал ее, как никто. Во время войны и оккупации Анапы он оставался в городе. И память о войне, трагедия города - это и его личная трагедия. Во время бомбежки Анапы

и в его дом по улице Протапова, 66 тоже попала бомба и разнесла и простое строение, и подворье. Он остался бездомным, как и многие анапчане. Имя этого художника Платон Яковлевич Крутько. Вот к нему-то и решил обратиться музей. В письме на имя художника, в частности, говорилось:

«Такую картину, где изображена Анапа после освобождения от гитлеровских захватчиков, для музея можете написать только Вы, Платон Яковлевич, как постоянный житель и патриот Анапы, знавший ее в довоенное время и бывший свидетелем всей ее трагедии в 1942-1943 гг. Больше такого художника, способного правдиво запечатлеть разрушенную Анапу, нет».

Это письмо писали бывший председатель горсовета, участник войны директор историко-краеведческого музея Д. Захаров и участник войны, учитель истории и научный сотрудник музея А. Салов.

Сохранился акт от 27 января 1959 года, по которому художник сдал эту картину «Разрушенная Анапа. 1943 год». Написанное маслом, это большое полотно размером 90 x 140 см получило свою прописку в музее (инв. № КМ 8365/132555). Спустя годы в музей были переданы эскизы к картине, выполненные в смешанной технике акварелью и гуашью. На них подлинные фрагменты облика отдельных домов, уголков разрушенной Анапы. Платон Яковлевич, обладавший превосходной памятью художника, как бы итожил раны, собирая их воедино. Как он писал другу художнику, была цель: «дать не фантазию разрушений, а истинный вид города таким, каким он был в первое время, в первые годы после ликвидации военного состояния. В конечном результате картина вылилась в виде реалистического изображения, отвечающего действительности. Картина не дает фрагментально город, а с охватом всей части, где обитали фашисты...».

И еще одно очень важное замечание, сделанное им самим к методу, примененному здесь: «Автору картины нужно было представить Анапу с птичьего полета ». Ему это удалось. Удалось оторваться от каждого дома и показать панораму разрушенного города, как единого в своей трагедии большого дома земли анапской, памятник войны...»

Эта картина «Разрушенная Анапа. 1943 год», безусловно, документальна, только этот документ написан прекрасным художником, любившим и жившим в этом городе, и другой такой уже не напишет никто, потому что он не будет

свидетелем той войны и участником этой трагедии и воинской славы нашего города.

Да и сам художник почитал эту картину своей лучшей работой за полвека творческой жизни в Анапе, считая с 1918 года, когда он выставлялся в Екатеринодаре в числе первых и лучших живописцев нашей земли Кубанской.

Эта картина все-таки была для него самой дорогой и любимой...

Анапа в оккупации: механизм выживания гражданского населения*Новичихин А. М.*

Более года, с 31 августа 1942 г. по 21 сентября 1943 г., Анапа была оккупирована войсками нацистской Германии и ее союзников. Для послевоенных поколений единственным источником информации об этом периоде анапской истории долгое время служила повесть В.А. Попова «Они приближали рассвет» (Краснодар, 1983), которая, несмотря на заявленную документальность, была, по существу, добротным литературным мифом в духе фадеевской «Молодой гвардии». Впечатления о жизни в оккупации переживших ее анапчан не выходили за рамки семейных преданий и не фиксировались.

Ситуация существенным образом стала меняться со второй половины 1990-х гг. Стали публиковаться воспоминания побывавших в оккупации жителей Анапы.

Наиболее информативными из них являются «Анапа в период оккупации» В.А. Перова (Только бы помнили вас живые... Краснодар, 1996), «Анапа в огне» Н. П. Овсянникова (До свидания, мальчики... М., 2005) и размещенные на нескольких ресурсах Интернета «Воспоминания» Т.А. Ивановой и того же Н.П. Овсянникова, несколько дополняющие его книгу. Примечательно, что три указанных источника представляют собой взгляд на оккупацию представителей разных возрастов - взрослого, подростка и ребенка: В.А. Перов в начале войны занимал должность заместителя руководителя городской радиостанции, Н.П. Овсянников встретил в оккупированном городе свое 16-летие, Т.А. Ивановой в 1941 г. было 10 лет.

Оставленный практически без боя город был занят гитлеровцами 31 августа 1942 г. Шок первого месяца оккупации, в течение которого захватчики устанавливали в городе «новый порядок», сопровождавшийся расправами с советскими активистами и их семьями, сменился периодом, когда анапчанам пришлось приспособливаться к новым непростым условиям жизни в городе,

занятом врагом. Как образно выразился в своих воспоминаниях В.А. Перов, «началось как бы "сосуществование" поработанных советских людей с немецко-фашистскими захватчиками».

Характеризуя жизнь анапчан в оккупации, переживший ее Н.П. Овсянников отмечает следующее: «На факт оккупации и на самих оккупантов они смотрели как на нечто должное, ниспосланное на них. Ни о каком сопротивлении врагам (я уже не говорю об активной борьбе) никто и не помышлял! Все жили одним днем, не задумываясь о завтрашнем. Шла тихая, мало видимая со стороны борьба за выживание».

Выработанный и апробированный в течение нескольких месяцев механизм выживания анапчан в целом можно свести к трем основным, подчас взаимосвязанным направлениям: отношения с оккупационным режимом, система жизнеобеспечения, способствующий выживанию морально-психологический климат.

Отношения с оккупационным режимом По данным В.А. Перова и Н.П. Овсянникова, в городе параллельно существовало несколько представительств власти. Прежде всего, это немецкая комендатура, а также городская и районная управы, руководящий состав которых был укомплектован из числа местных коллаборационистов.

Высшим органом оккупационной власти в городе была немецкая комендатура. Данных о ее деятельности сохранилось мало. Понятно, что на нее возлагались обязанности поддержания в городе порядка. Был введен комендантский режим, под угрозой расстрела ограничивающий перемещение гражданского населения в ночное время.

В оккупированном городе из числа местных жителей была создана полиция. Возглавил ее известный в довоенной Анапе ловелас, популярный исполнитель песен Ф. Кипариди. По сообщениям В.А. Перова и Н.П. Овсянникова, в полиции оказались и перешедшие к немцам партизаны, выдавшие своих боевых товарищей.

Как с мрачной иронией отметил в своих воспоминаниях В.А. Перов: «Что делало бы гестапо без русских предателей?». Из числа изменников была сформирована городская жандармерия и особое подразделение («зондеркоманда») при гестапо, занимавшееся пытками и казнями. Оккупационные власти умело сыграли на тех социальных противоречиях, которые существовали в Советском Союзе накануне войны, всячески привлекая на свою сторону социальные группы, подвергавшиеся в 1930-е гг. необоснованным репрессиям. У населения Кубани, в особенности сельского, вследствие активно проводившихся в предвоенное десятилетие раскулачивания и расказачивания, поводов для недовольства советской властью было немало. В результате в числе полицаев оказалось много казаков, активно применявших для наведения порядка свое главное оружие - нагайки.

Неверно, было бы считать, что все поступившие на службу в полицию анапчане были идейными врагами советской власти. Многие шли в полицию в расчете как-то обеспечить себя и свои семьи в тяжелый период оккупации в условиях неверия в возможность победного для Советского Союза исхода войны. Н.П. Овсянников отмечает, хотя и редкие, случаи гуманного отношения полицаев к гражданскому населению. Коллаборационистские настроения у жителей Анапы вызывали и некоторые необдуманные действия советского командования: осенью 1942 г. город неоднократно подвергался артиллерийским обстрелам с кораблей Черноморского флота. Залпы корабельной артиллерии большей частью накрывали жилые кварталы, в итоге гибли мирные жители. В декабре 1942 г. (по другим данным в феврале 1943 г.) три советских самолета прицельно или по ошибке сбросили бомбы на оживленную в воскресный день городскую базарную площадь. И снова больше всего жертв было среди гражданского населения.

В городе размещались тыловые службы немецких воинских частей, активно использовался для грузовых перевозок анапский порт. Приморская часть города была выделена оккупантами в особую зону, отсюда было выселено все гражданское население. В воспоминаниях сохранились

свидетельства о том, что многие анапские семьи были вынуждены селиться на окраинах у своих родственников и знакомых или в оставленных хозяевами домах. У кого была возможность, перебирались из Анапы в близлежащие селения. Там было проще с продуктами.

В первые недели оккупации осуществлялось электроснабжение города - его источником была Раевская электростанция, но вскоре оно прекратилось. Как шутили румынские солдаты, «с наступлением холодов из лесов Сукко пришли партизаны и украли на дрова электрические столбы».

Разведывательные и карательные функции в оккупированной Анапе осуществляли подразделения Абвера (военная разведка) и гестапо (тайная полиция).

В задачи последнего входила проверка всех, прибывающих в Анапу, - ее проходили и Н.П. Овсянников, и В.А. Перов.

Документы, дававшие право на жительство, выдавала городская управа. По информации, услышанной Н.П. Овсянниковым в местном «паспортном столе ». особо доверенным лицам (видимо, состоящим на службе) оккупационные власти выдавали паспорта. Из тех же воспоминаний известно, что в Анапском районе в качестве документа, удостоверяющего личность, мог использоваться советский паспорт, с соответствующей отметкой немецкой комендатуры.

В городе, население которого в период оккупации насчитывало несколько тысяч человек, практически все друг друга знали в лицо. Поэтому большое значение хтя населения имело то, кем были люди, занявшие должности в созданных гитлеровцами органах местной администрации. Порицаемое порой южно-русское «сватовство» и «кумовство» в условиях оккупации играло положительную роль. Авторы всех трех привлеченных источников упоминали случаи, когда заступничество знакомых из числа власть имущих, выручало людей из сложных ситуаций, а порой спасало жизни. В условиях полицейского террора, когда малейшее подозрение могло быть поводом для ареста и расстрела, даже элементарное доноительство могло стать спасительным и

высоко оценивалось. В то время, как некоторые, находившиеся на службе у немцев, ретивые полицейские чины устраивали провокации с целью отчитаться как можно большим числом разоблаченных ими партизан и подпольщиков, находились люди, которые использовали свое служебное положение для спасения других. В краеведческой литературе неоднократно писалось о враче В.А. Антоновой, выдававшей фиктивные справки о нетрудоспособности, благодаря чему многие анапчане зимой 1943 г. избежали насильственной эвакуации. Бургомистру Анапы по фамилии Губа снабжение документами скрывающихся от немецких властей «преступников» стоило жизни - он был расстрелян оккупантами.

Из воспоминаний В.А. Перова известно, что в оккупированном городе функционировали некоторые учреждения социальной инфраструктуры: гражданский суд, банк, поликлиника были созданы благотворительные общества для сбора теплых вещей военнопленным, помощи сиротам, престарелым. Предпринимались попытки наладить культурную жизнь города. Были организованы концерты, причем посещавшие их немецкие офицеры требовали, чтобы исполнялась не антисоветская халтура, а русская и советская песенная классика.

Известно, что у оккупантов популярностью пользовались «Катюша» и «Три танкиста». На территории бывшего санатория авиаработников весной – летом 1943 г. была организована танцевальная площадка, которую посещали как солдаты расположенных в городе частей, так и ищущие развлечений анапские девушки.

Внимание, оказываемое последними, послужило причиной серьезной потасовки между солдатами румынской и словацкой частей, завершившейся перестрелкой между представителями союзных Германии армий.

Следует отметить существование разногласий между немцами и их союзниками, среди которых встречались и антифашистски настроенные солдаты, и офицеры.

О нескольких таких словацких военнослужащих упоминает В.А. Перов. В семье автора этих строк сохранилось воспоминание о румынских солдатах, рассказывавших в августе-сентябре 1943 г., накануне освобождения Анапы, о том, что они по возможности вредят немцам, повреждая телефонные коммуникации.

Много воспоминаний связано с городской биржей труда, на которой оккупационные власти обязали зарегистрироваться все трудоспособное население. Осенью-зимой 1942-1943 гг. по утрам у здания биржи собирались толпы анапчан в надежде получить хоть какую-то работу. Обычно их использовали для погрузочно-разгрузочных работ на восстановленной мельнице, снабжавшей гитлеровские части мукой, и в порту.

Востребованной была работа на взорванном при оставлении Анапы винзаводе, в рыбцехе. Из других источников известно, что оккупационные власти пытались наладить поиск книг в развалинах разрушенной при бомбардировке города библиотеки. За выполненную работу выдавались продовольственные карточки.

После событий февраля 1943 г., когда в районе Новороссийска высадился советский десант, жителей города стали активно привлекать к работам по строительству оборонительных сооружений. К лету 1943 г., по наблюдениям В.А. Перова, когда стало понятно, что оккупационный режим доживает последние недели и скоро неминуемо придет освобождение, толпы у биржи труда заметно поредели, и на работу людей теперь пришлось выгонять полицейским, активно применяя все те же нагайки. В Анапском районе насильственное привлечение гражданского населения к строительству оборонительных сооружений практиковали румынские воинские части.

В феврале 1943 г. ввиду предполагаемой после событий в Новороссийске угрозы взятия Анапы советскими войсками часть городских служб была эвакуирована.

По данным В.А. Перова, немцы также вывозили из Анапы неблагонадежные, на их взгляд, семьи. Примечательно, что Н.П. Овсянников, проживавший в это время в Алексеевке, об этой эвакуации ничего не сообщает.

Похоже, что проводимые немецким командованием мероприятия не коснулись отдаленных окраин города. С марта 1943 г. оккупанты начали группами угонять на запад трудоспособное население.

Система жизнеобеспечения в условиях оккупации Первая задача, вставшая перед гражданским населением Анапы с начала оккупации, - это сбережение своего имущества. Город был взят румынскими воинскими частями, а о практиковавшемся румынами мародерстве анапчане уже были наслышаны. Поэтому остававшиеся на занятой врагом территории семьи попытались спрятать от мародеров наиболее ценное имущество.

В семье автора этих строк, пережившей войну в расположенном близ Анапы с. Су-Псех, сохранились воспоминания о том, как прятали главную ценность семьи - швейную машинку. Ее обильно залили машинным маслом, завернули во что-то непромокаемое и закопали за расположенным в глубине двора сараем.

По счастливой случайности мародерами машинка не была найдена, хотя расположившиеся в доме румынские солдаты по своей обычной практике тщательно прозондировали землю металлическим щупом. Дело в том, что на том месте, где была спрятана машинка, оккупанты устроили коновязь для своих лошадей и искать там им не пришлось в голову. Тщательно сокрытый (прибитый мелкими гвоздями к стене и плотно замазанный сверху глиной) тулуп тоже «уцелел» - его остатки хозяева обнаружили при демонтаже сарая спустя полвека после окончания войны. Соседским семьям повезло меньше.

Не гнушались грабежом и немецкие солдаты, если, конечно, в детские воспоминания Т.А. Ивановой не закралась ошибка в определении этнической принадлежности мародеров: по ее словам, немцы при помощи щупа отыскивали закопанные ее семьей во дворе два сервиза, помещенные в тазы. Практиковался и открытый грабеж - отбирали скот, домашнюю птицу, продукты,

понравившиеся вещи. Так, в семье Т.А. Ивановой были отобраны резная трость, картина какого-то местного живописца, велосипед, бинокль.

В период оккупации многие городские и курортные учреждения перестали функционировать, поэтому значительная часть анапчан оказалась без работы. Восстановление оккупантами городской инфраструктуры обеспечило работой лишь часть населения города, главным образом из числа людей, лояльно относившихся к «новому порядку». Поиск средств к существованию проводил людей на биржу труда, толпы у которой в первые месяцы оккупации отметили и В.А. Перов, и Н.П. Овсянников.

Многие жители Анапы нашли спасение в занятии частным предпринимательством. Вот как описывает Анапу вернувшийся в город в октябре 1942 г. Н.П. Овсянников: «Вокруг рынка и по ближайшим к нему улицам быстро, как грибы после дождя, там и сям появились, пооткрывались всевозможные частные лавочки, мастерские, закусочные, буфеты с выпивкой. Работают пекарня, парикмахерская, большая слесарная мастерская, чайная. А там, дальше, по Владимирской, по Краснодарской улицам еще много всяких мастерских.

Делают зажигалки, ведра, тазы, совки, шьют чуваки, пуговицы, кепки, фуражки». Однако не все анапчане имели возможность открыть свое дело. Большинство мирных жителей были вынуждены продавать нажитое имущество, чтобы как-то добыть необходимое для выживания, прежде всего продукты. По данным всех привлеченных источников, активно функционировал городской рынок. В ходу были и немецкие (преимущественно оккупационные марки) и советские деньги. Курс был 1:10 (одна марка за десять рублей). Изредка использовались румынские леи. В первые месяцы оккупации при торговле все стремились получить плату немецкими марками.

Однако, когда с весны 1943 г. в анапчанах окрепла уверенность в скором освобождении, курс рубля начал резко расти и гражданское население стало отдавать предпочтение советским денежным знакам. Чтобы спасти ситуацию, анапское отделение Рейхсбанка организовало неограниченный обмен марок на

рубли, причем среди немецких денежных знаков нередко встречались рейхсмарки, неофициальный курс которых был выше оккупационных.

В торговле принимали участие и оккупанты. Н.П.Овсянников сохранил описание анапского рынка осени 1942 г.: «На рынке в одиночку, парами стоят, шумно торгуются румынские солдаты. Они за немецкие марки предлагают дешевые сигареты, какие-то безделушки, самодельные, под серебро и золото кольца, мелкое барахлишко, реквизированное, а попросту нагло, по-хамски забранное у населения во время бесчисленных облав и обысков ночами. Немцев мало, почти нет: только изредка увидишь стоящего где-то в стороне солдата. Фрицы держатся с достоинством, не суетятся, не шумят, как румыны. Продают зажигалки, камешки-кремни к ним, пахучие, в красивой упаковке сигареты, сахарин». Он же сообщает о покупке лекарств у немецкого санитаря.

Однако зачастую у оказавшихся в оккупации семей не было никаких денег. В таких случаях на рынке практиковался обмен. Т.А. Иванова на всю жизнь запомнила, что ее любимая кукла была обменена на кукурузу. О кукурузе речь особая. Похоже, что эта зерновая культура спасла от голодной смерти многих анапчан. Еще в августе - сентябре 1942 г. из лексики бойцов отступающих из Крыма воинских частей анапчане в качестве презрительного наименования румынских солдат позаимствовали прозвища «кукурузники» и «мамалыжники». Однако уже в октябре, насколько можно судить по воспоминаниям Н.П. Овсянникова, кукурузная каша - мамалыга, была едва ли не основным продуктом питания в Анапе и в окрестных селениях.

Этому способствовало два фактора. Во-первых, то, что урожай кукурузы на колхозных полях в сентябре 1942 г. не был полностью убран и местным жителям с разрешения оккупационных властей удалось, собирая «пасынки», пополнить запасы продовольствия (это явление нашло отражение даже в книге В.А. Попова).

Во-вторых, кукуруза и кукурузная крупа входили в рацион питания расквартированных в районе Анапы румынских воинских частей, и чаще всего они становились предметом товарообмена с гражданским населением. Именно

у румын местные хозяйки научились готовить мамалыгу (поначалу кукурузу просто отваривали).

Кроме того, в пищу употреблялось все съедобное, вплоть до подсолнечного жмыха. Н.П. Овсянников и В.А. Перов сообщают о двух независимых друг от друга случаях, когда местные жители сообща разделявали туши павших лошадей из румынских обозов и затем делили добытое таким образом мясо.

Проблема продовольствия остро стояла в течение всего оккупационного периода (а похоже, и после него тоже). В воспоминаниях Н.П. Овсянникова тема голода, постоянного недоедания проходит красной нитью.

С начала лета 1943 г., когда пошла молодая зелень (в том числе и дикорастущая - крапива, конский щавель) и первые овощи, ситуация с продовольствием стала улучшаться. Хотя их сбор тоже иногда мог оказаться связанным с опасностью. По воспоминаниям Т.А.

Ивановой, когда их семья вместе с соседями собрала на расположенном в Су-Псехе участке урожай кукурузы и фасоли и везла это добро на тележке в город, встретившиеся румыны обстреляли их и все забрали.

В рассказе Т.А. Ивановой содержится информация о том, что квартировавшие в их доме немецкие летчики Ганс и Генрих приносили ее семье хлеб и мыло в качестве платы за то, что их обстирывали. Из воспоминаний В.А. Перова известно, что анапский комендант исправно платил своей хозяйке за квартиру. Комендант был известен тем, что, устраивая прием граждан на дому, брал у анапчан взятки за выдаваемые им пропуска в станицы района. В качестве взяток фигурировали продукты питания - яйца, куры, поросята. Комендант умело их консервировал и отправлял в Германию своей семье, которая, надо полагать, тоже испытывала проблемы с обеспечением продуктами. Актуальный для зимнего периода вопрос отопления решался довольно просто. В городе было немало разрушенных и оставленных жителями домов. Деревянные части этих построек собирались местным населением и

использовались в качестве топлива. Таким же способом добывали дрова и оккупанты.

Морально-психологический климат

Отсутствие достоверных сведений о событиях на фронтах уже в первые месяцы оккупации образовало информационный голод, активно подкреплявшийся всевозможными слухами, обычно упаднического характера. Н.П. Овсянниковым приведены слухи, ходившие в районе Анапы в сентябре - октябре 1942 г. - фронт откатился в район Сочи, а доносившиеся со стороны Новороссийска звуки артиллерийских выстрелов объяснялись тем, что в развалинах цемзавода сражается окруженный гитлеровцами батальон моряков, сопротивление которого будет вот-вот подавлено. Вообще, в первые месяцы оккупации настроение жителей Анапы было тягостным. Как отмечает В.А. Перов, широкое хождение в умах анапчан имели откровения всевозможных «пророков» и «пророчиц», большое значение уделялось вещим снам, гаданиям и городским сплетням: «Уму не постижимо, откуда за такое короткое время и в таком количестве могла появиться эта нечистая сила в образе пророчиц, колдунов и спиритистов, которые по целым ночам при свете коптилок крутили чайные блюдца, вызывая души давно умерших людей, читали откровения Иоанна и переписанные десятками рук письма Богородицы Троеручицы».

Укреплению душевного спокойствия анапчан в немалой степени способствовало открытие, с разрешения гитлеровцев, Свято-Онуфриевского храма.

В городе был налажен выпуск газеты – основанного печатного органа «нового режима». Сведения о ее названии в воспоминаниях разнятся: у В.А. Перова - «Анапский вестник» или «Курьер Анапы», у Н.П. Овсянникова - «Новая жизнь». Газета стала рупором профашистской пропаганды, однако и в публиковавшихся на ее страницах информационных сообщениях о доблестных победах германской армии и ее союзников можно было, что называется «между строк», найти правдивую информацию. Именно так, по свидетельству В.А. Перова, в Анапе узнали о поражении немцев под Сталинградом. Были и другие

источники. Как пишет Н.П. Овсянников, о разгроме гитлеровских войск под Сталинградом он узнал от отступающих румынских солдат, среди которых оказались пацифистки, настроенные и к тому же хорошо владеющие русским языком жители Молдавии, мобилизованные режимом Антонеску. Примечательно, что после, пусть и неясных, известий о Сталинградской победе настроение жителей Анапы заметно изменилось. Свою роль сыграло еще и то, что гитлеровское командование, напуганное высадкой советского десанта в районе Новороссийска в начале февраля 1943 г., начало спешную эвакуацию воинских частей и административных учреждений.

Когда тревога улеглась, гитлеровцы вновь вернулись в Анапу, однако у населения уже укоренилось сомнение в незыблемости оккупационного режима. В сознании анапчан все более крепла уверенность в скором освобождении. Слухи о событиях на фронте приобретали порой самые фантастические формы: «Чего только не говорили! Например, что идет освобождение Кавказа, немцы бегут, но это не Красная Армия громит их. Это идут в наступление, беспощадно бьют фрицев американские войска, прибывшие из Ирана, а в них все без исключения солдаты и офицеры – свирепые негры, которые не щадят никого. Так что в скором времени придется бежать в горы, в лес и отсиживаться там, пока первая волна этих самых негров не пройдет через нашу местность» (Н.П. Овсянников).

Только с конца мая 1943 г., после того как созданной В.А. Перовым группе подпольщиков удалось собрать радиоприемник, слухи сменились информацией из сводок Совинформбюро. Тесты сводок переписывались на небольшие листки бумаги, которые сворачивались и таким образом передавались по цепочке надежным людям, достигая отдаленных селений Анапского района и даже Новороссийска.

Следует отметить, что публикация воспоминаний В.А. Перова развеяла все еще бытующий литературный миф о подпольщиках, расклеивающих листовки на стенах и заборах. В оккупированном городе, улицы которого постоянно патрулируют гитлеровцы и полицаи, а также их осведомители,

расклеивать, а уж тем более читать листовки, невозможно. И то и другое связано со смертельным риском, и подобный способ распространения листовок привел бы к тому, что единственными их читателями были бы полицаи. Чем меньшего размера листовка, чем туже она сложена или свернута, тем больше шансов пронести ее через многочисленные оккупационные посты и передать содержащуюся в ней информацию большему числу ожидающих ее проверенных людей. Как рассказывала автору участница анапского подполья З.П. Харитонова, листовки писали на узких полосках бумаги и сворачивали в трубочку, что давало возможность незаметно передавать их буквально из руки в руку.

Как уже отмечалось, с появлением пусть и неясной, но надежды на скорое освобождение изменилось отношение жителей Анапы к оккупационным денежным знакам и к работе, предоставляемой трудовой биржей.

Близился сентябрь 1943 г., близилось освобождение и новая жизнь.

Анапа в годы Великой Отечественной войны*Янукян А.К.*

31 августа части 5-й и 9-й кавалерийских дивизий румынского кавалерийского корпуса, преодолев сопротивление частей Анапского сектора береговой обороны и 40-го артиллерийского дивизиона, двумя полками мотопехоты и одним кавалерийским полком вышли на побережье Черного моря и захватили Анапу.

В период оккупации Анапа имела для гитлеровцев очень большое значение. Она стала базой, которая связывала Таманскую группировку гитлеровских войск с Крымом. Единственный порт на Кавказском побережье, который использовали военно-морские силы фашистов. Поэтому укреплению Анапы фашистское командование придавало серьезное значение. В Анапе были сконцентрированы большие силы румын и немцев.

Был установлен комендантский час. День и ночь ходили по городу патрули. Строго контролировалось хождение по городу, следили за светомаскировкой.

В городе фашисты выпускали свою газету "Анапский вестник", листовки, приказы фашистского командования. Ежедневно люди исчезали из своих домов и квартир, «черный воронок» увозил их на расстрел. Зверствам фашистов не было предела. Они убили Н. Лобуренко с пятилетней дочкой, братьев Калустьян, рабочего Карнаух, служащего рыбной артели Высоцкого.

В один из дней фашисты расстреляли в районе аэродрома на глинище около 50 молодых людей. Среди них были комсомольцы. Ежедневно устраивались облавы, забирали жителей в возрасте от 14 до 60 лет для рытья окопов и отправки в Германию. Большую помощь людям оказывала врач В.А. Антонова. По воспоминаниям О.Г. Голговской, которая работала вместе с ней, она вводила внутривенно людям специальное лекарство, которое называлось акрихин, оно вызывало внешние признаки болезни Боткина.

Таким образом многие спаслись от отправки на каторгу. Много было замучено, повешено, убито в районе. С трудом учитываются зверства фашистов. В колхозе имени Димитрова были убиты 17 человек. В колхозе имени Ильича убиты 17 человек. А в колхозе Ленина и Молотова были расстреляны 25 человек. В селах Павловка, Варваровка и Гайкодзор в один день было расстреляно около 50 человек. Но маленький приморский городок не сложил головы. Жители города и района как могли боролись с оккупантами. По указанию крайкома ВКП (б) райкомы и горкомы партии Кубани создали 86 партизанских отрядов, которые объединили 6500 человек. Отряды составили семь соединений (кустов), которые возглавили секретари крайкомов и горкомов партии. В Анапский куст были включены три отряда Анапского района.

Первый отряд состоял в основном из рабочих и служащих совхоза им. В.И. Ленина, и возглавил его директор К.Г. Приходько. Комиссар П.А. Фролов - первый секретарь Анапского райкома партии. Во второй отряд входили работники Анапского винзавода, советские и партийные работники.

Командиром был назначен второй секретарь райкома партии М.Н. Терещенко, комиссаром Д.А. Кравченко - директор Анапского винзавода. Третий отряд, был сформирован из работников НКВД и молодежи, бойцов из истребительного батальона. И его возглавили В.Я. Булавенко и комиссар А.Л. Салашин. Основной задачей партизанского движения была дезорганизация тылов противника, подрыв мостов, порча железнодорожных путей, нападение на автомобильный и гужевой транспорт, повреждение линий связи, уничтожение боеприпасов, горючего и продовольствия, осведомление частей Красной Армии о расположении, численности и передвижении войск противника.

Анапские партизанские отряды базировались в лесах Псебепса и Сукко. Они вели беспощадную борьбу с оккупантами. Смело нападали на фашистов и истребляли их. Анапским партизанам пришлось бороться в исключительно трудных условиях. Линия фронта проходила по территории района. Партизаны действовали не в тылу врага, а, по существу, на передовой.

Кроме того, анапские леса сравнительно невелики, хорошо просматриваются и для укрытия не очень удобны. Поддерживать связь с населением было опасно, так как местные жители находились в поле зрения оккупантов и их пособников. За малейшее подозрение фашисты жестоко наказывали.

Этим и объясняется сравнительная скованность действий партизанских отрядов в районе Анапы. И тем больше героизма и выдержки нужно было для успешной борьбы. Анапские партизаны эти качества проявили. По воспоминаниям старожилов, из каких-то тайных источников жители города и района узнавали содержание сводок Совинформбюро. Слова правды передавались из уст в уста. Гитлеровцы нервничали, догадываясь, что где-то в подполье действует радиостанция. Это работала подпольная группа "Рассвет". К сожалению, никаких документов о деятельности этой группы не сохранилось, но по воспоминаниям ветеранов известно, что эта радиостанция была установлена в подвале одного из домов группой молодых патриотов, которые принимали сводки Совинформбюро, перепечатывали их и распространяли среди населения. Во время оккупации побережье Анапского района не раз становилось местом высадки советских десантов.

Разрушенные здания санатория «Красная звезда».

В сентябре 1942 г. группа разведчиков-моряков в количестве 19 человек под руководством политрука К. Диброва высаживается в районе между с. Сукко и Варваровкой. Цель и задачи: разведать охрану побережья, зафиксировать расположение огневых точек противника и систему укреплений, найти безопасный район для подхода наших кораблей к высадке десанта. Разведчики засекли огневые точки, зафиксировали укрепления. Но по пути возвращения к условному месту, где их должны были снять наши катера", враг устроил засаду. Завязался бой. Одержав победу, разведчики все же не смогли продвинуться к условленному месту. Пришлось уйти в горы.

Отряд был обнаружен нашими разведчиками и снят катерами лишь 3 ноября 1942 года, т.е. через 33 дня после высадки. Позже К. Дибров со своей

группой участвовал в десанте Ц. Куникова, высаживался на Эльтиген. За проявленное мужество, храбрость и отвагу К.Диброву присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В Анапском районе четырежды высаживался десант под руководством капитана Н.В. Старшинова. Место высадки десанта – район села Варваровка. Задача: разведать расположение военных частей противника, установить систему охраны побережья на участке Анапа - Мысхако, уничтожить гарнизон противника в селе Варваровка. 17 октября 1942 г. десантники напали на румынский отряд, который оборонял побережье между поселком Сукко и Варваровка. Румыны были окружены и уничтожены. Советские моряки ушли без потерь, имея только одного раненого.

В декабре того же года Н.В. Старшинов вновь получает приказ доставить «языка». 14 декабря с группой из шести человек он вновь высаживается в районе села Варваровка. Пробыв в тылу врага 5 дней, Н.В. Старшинов со своей группой доставили командованию ценные сведения. За отличное выполнение боевых заданий капитану Н.В. Старшинову, заместителю по политической части 393-го отдельного батальона морской пехоты присвоили звание Героя Советского Союза. Военный совет Черноморского флота в апреле 1943 г. принял решение высадить в тылу врага на Таманском полуострове и в районе Анапы несколько десантных групп моряков-разведчиков с задачей создать у командования противника видимость крупного десанта и тем самым отвлечь силы врага, прервать телефонную и телеграфную связь, заминировать участки шоссе из Анапы в Новороссийск с целью сковать подход резервов противника в район станции Тоннельной и тем самым способствовать наступательным действиям советских войск на участке Новороссийск - Крымск. Для выполнения этого задания командования из состава разведывательного отряда разведотдела штаба Черноморского флота был создан десантный отряд из трех групп под общим командованием командира разведштаба капитана Д.С. Калинина. Командиром одной из групп разведчиков был назначен опытный воин-мичман Н.А. Земцов. Второй группы - старший сержант А. Левинский.

После тщательной подготовки десантный отряд моряков-разведчиков в составе 35 человек вместе с проводниками под командованием Д.С. Калинина был высажен с боевых пограничных катеров-морских охотников в ночь с 30 апреля на 1 мая 1943 года в районе села Варваровка, в 8 км юго-восточнее Анапы. Первой в 23 часа 46 минут высадилась группа разведчиков в составе 13 человек под командованием мичмана Н.А. Земцова, имевшего задание атаковать вечером 1 мая вражеский гарнизон в селе Павловка. У группы Н.А. Земцова был опытный проводник-разведчик - житель села Варваровка С. Лариков. Эта группа успешно преодолела обрывистые берега и вышла в тыл врага на окраине села Павловка на рассвете. Мичман Н.А.Земцов принимает решение днем произвести детальную разведку, а на вторую ночь сделать налет.

Днем обстановка осложнилась. Две высадившиеся группы были обнаружены. Завязался упорный бой. Фашисты, предполагая, что высажен крупный десант, начали быстро усиливать гарнизоны, выставили заставы. Пустили в облаву по лесу около двух пехотных полков, вызвали истребительную авиацию. Несмотря на это, мичману Н.А. Земцову необходимо было со своей группой продолжать выполнение поставленной перед ними задачи. Пробравшись ночью к селу, его группа столкнулась с усиленным вражеским патрулем. Разведчики приняли бой, но были окружены. Н.А.Земцов вывел группу из окружения и, отойдя от села Павловка на 2 км, приказал заминировать дорогу, идущую из Павловки в Анапу, а также уничтожить телеграфно-телефонную связь. Вражеский отряд, пытавшийся преследовать разведчиков, подорвался на mine.

Обойдя скрыто заставы, разведгруппа Н.А.Земцова на третий день после высадки прибыла на место сбора всех групп в районе горы Кобыла. Двух других групп там не оказалось. Группа старшего сержанта А. Левинского с рассветом 1 мая на гребне горы перед селом Варваровка приняла бой. Схватка была жестокой, врагов оказалось в несколько раз больше. А группа капитана Д.С.Калинина вышла в это время к околице села Варваровка и устроила засаду.

Пулеметным огнем десантники косили фашистов, два часа длился бой. Моряки, отбиваясь, отходили вдоль противоположного склона береговой гряды.

Силы были слишком неравны. Румынский полковник, руководящий боем, приказал своим солдатам взять капитана живым. Все больше сжимая кольцо, гитлеровцы ринулись к капитану Д.С. Калинину. Оказавшись в полном окружении, весь израненный, он вынул из-за пазухи последнюю гранату и прижал ее раненой рукой к себе. В это время фашистские солдаты бросились к нему. Д.С.Калинин рванул чеку, раздался взрыв. Не жалея своей жизни, отважный капитан превратил свою гибель в смерть для врагов. Командир румынского полка, который нес оборону побережья в районе Анапа-Сукко, преклоняясь перед мужеством и отвагой, приказал похоронить офицера со всеми воинскими почестями. Капитану Д.С. Калинину и мичману Н.А. Земцову присвоено высокое звание Героев Советского Союза.

Внезапная высадка, дерзкие атаки небольшого отряда вызвали у врага панику, из Анапы посыпались тревожные сигналы в Тамань и Новороссийск. Старший морской начальник Анапы Шеписсель приказал срочно посадить на сторожевые катера немецких матросов и перебросить их в район села Варваровка. По приказу генерала Эннеке была задержана переброска резерва в район Тоннельной. Десант капитана Д.С. Калинина с поставленной задачей справился. В настоящее время между Сукко и Варваровкой стоит памятник, который хорошо виден с суши и с моря. Этот памятник поставлен в 1968 г. в честь подвига моряков-десантников. Февраль 1943 г. Во вражеском тылу, в районе Анапы скопилось несколько групп моряков-разведчиков. Катеру СКА-062 было приказано в ночь выйти в район мыса Утришенок, где соберутся разведчики, и забрать их. В назначенное время с берега был дан сигнал, означавший, что все в порядке и можно высылать шлюпку за людьми. На месте оказалось, что кроме разведчиков была еще группа партизан. Катер подошел ближе, и с помощью троса экипаж стал перетягивать резиновую шлюпку от берега к катеру и обратно. Но трос запутался в подводных камнях. Тогда командир катера старший лейтенант В.М. Кирпиченко принимает рискованное

решение подойти к берегу. На берег подали большую сходню, но и ее не хватило до уреза воды.

Тогда несколько смельчаков прыгнули в ледяную воду, подняли береговой конец сходни и держали на руках. Всего на катер было принято 108 человек, вместе с экипажем это составило 130 человек. Перегруженный катер получил повреждения - правый руль заклинило, штурвал перестал вращаться. Доставив разведчиков и партизан в Геленджик, СКА-062 сразу же получил новое задание. Для ремонта времени не было. Пробоину забили и вновь пошли к вражескому берегу. За период с ноября 1942 г. по июль 1943 г. катером была проведена 21 операция по высадке и приему разведчиков на участке от Анапы до мыса Утришенок. 6 июня 1943 года малый охотник СКА-062 возвращался с разведоперации от мыса Утриш в Геленджик. Было около 4-х часов утра, моросил дождь, видимость около 10 кабельтовых. "Торпедный катер!" - крикнул сигнальщик. Вслед за первым катером противника стали видны еще четыре, идущие за ним в кильватере. Командир СКА-062 старший лейтенант В.М. Кирпиченко решает принять бой. Бой длился менее двух часов. В этом неравном бою победителем вышел малый охотник СКА-062. Три катера противника были подбиты. Два больших катера противника по левому борту СКА-062 продолжали вести огонь. Но вот и они повернули назад и отошли к третьему подбитому катеру.

В 5 часов 30 минут катер вернулся в Геленджик, неся приспущенный кормовой флаг. В этом неравном бою погибли командир катера капитан В.М.Кирпиченко, моторист Ф.С.Улькин, пулеметчик Е.Е.Воронцов и тяжело ранен помощник командира А.П.Федоров. Командование катером было возложено на Е.И.Шохова. Этот бой, вошедший в историю Черноморского флота как "Один против пяти", описан 17 июня 1943 г. в газете "Красный Черноморец". С 24 по 27 сентября 1943 г. СКА-062 участвовал в десантной операции у озера Соленое - северо-западнее Анапы.

В результате многодневных ожесточенных боев, сломив упорное сопротивление врага. 16 сентября советские войска освободили Новороссийск.

Первая линия обороны фашистов на южном участке Голубой линии была прорвана. Гитлеровцы стали поспешно отступать в направлении Анапы, чтобы спасти живую силу и технику. Используя сильно пересеченную местность Анапского района, организовав промежуточные оборонительные рубежи, заняв выгодные позиции на высотах, фашисты приготовились к обороне Анапы. Укрепленные оборонительные линии проходили через перевал Волчьих ворот, к-з "Политотдел", хутора Марченко, Курбацкий, чтобы небольшими силами задержать наступление советских частей.

Командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И.Е. Петров принял решение развивать наступление, упредить противника и перерезать пути отхода его главных сил к Анапскому порту. В это же время 18-я армия получает приказ: "Наступать в направлении Верхнебаканский - Анапа, а частью сил нанести удар вдоль побережья". Командующий 18-й армией генерал-майор К.Н.Леселидзе решил силами 89-й, 318-й и 55-й гвардейских стрелковых дивизий, во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой бригадой и 132-м танковым батальоном овладеть перевалами Волчьих ворот и Верхнебаканский, прорвать вторую линию обороны врага и затем наступать на Анапу.

21 сентября 18-я армия после тяжелых боев завершила прорыв второй линии обороны гитлеровцев. На правом фланге 89-я дивизия овладела станицей Натухаевской и стала теснить части 1-й румынской горнострелковой дивизии к морю в направлении Джемете. 3 18-я и 55-я гвардейские дивизии и 5-я танковая бригада прорвали оборону 73-й пехотной и 4-й горнострелковой дивизий противника, овладели Раевской и устремились на Анапу. Первыми в Анапу вошли саперы 280-го саперного батальона 89-й дивизии, проделывая проходы в минных полях, чтобы пропустить через них танки и пехоту.

21 сентября в 17.30 танки 5-й гвардейской танковой бригады под командованием гвардии полковника П.К. Шуренкова ворвались в Анапу. Одним из первых на окраину города ворвался танк старшего лейтенанта А.И.Дмитриева. Тяжелая машина мчалась по улицам города. Перед деревянным мостом, за которым окопался румынский заслон, навстречу танку бросился

седой старик и что-то кричал. А.И. Дмитриев остановил танк. Старик сказал, что впереди минное поле, и вызвался показать, как его обойти. Позже выяснилось, что помощь танкистам оказывал бывший рабочий А.К. Болотный. В это же время корабли Черноморского флота совершили артиллерийский налет на Анапский порт, огнем корабельных орудий были уничтожены дзоты и огневые точки на причале. Корабли отошли в море, но с наступлением темноты вновь ворвались в порт и высадили небольшой десант морских пехотинцев. Танки и морская пехота ворвались в город почти одновременно.

Зажатый с моря и с суши, враг заметался по улицам города. С воздуха наземные войска поддерживали летчики Новороссийской штурмовой авиационной дивизии, которой командовал Герой Советского Союза А.А. Губрий. Стремительный удар танкистов и моряков был настолько неожиданным, что гитлеровцы не успели воспользоваться для бегства судами, стоявшими на рейде.

22 сентября город и порт полностью были освобождены.

Партизанское движение в Анапском районе в 1942-1943 гг.*Маклюк Е. И.***По воспоминаниям Д.А.Кравченко, Н.П.Овсянникова и И.И.Жернового**

Для борьбы с оккупантами 3 августа 1942 года при военном совете Северо-Кавказского фронта был создан Южный штаб партизан, в который вошли 7 кустовых штабов: Краснодарский, Новороссийский, Майкопский, Нефтегорский, Армавирский, Славянский, Анапский. Начальником штаба Анапского куста был назначен секретарь крайкома ВКП(б) Егоров Алексей Андреевич, который уже 24 августа 1942 года сформировал из жителей Анапского района два партизанских отряда в селе Варваровка и один в станице Раевской.

Анапским отрядом № 1 руководил Приходько Кузьма Григорьевич — директор совхоза имени Ленина, комиссаром был Фролов Павел Акимович — первый секретарь райкома партии. Отряд базировался в лесах станицы Раевской.

Анапским отрядом № 2 командовал Терещенко Митрофан Никифорович — орденосец Гражданской войны и второй секретарь РК ВКП(б) города Анапы. Комиссар отряда — Кравченко Дмитрий Алексеевич, директор Анапского винзавода. Место базирования — Лобанова щель.

Отряд № 3 базировался в Новогирской щели, им командовал начальник НКВД Д. Я. Булавенко, а комиссаром был А. А. Салашин. В Анапский куст входили еще четыре отряда — Темрюкский, Варениковский, Камышеватский и Щербиновский. Всего в отряде было 400 человек. Они должны были контролировать территорию от Новороссийска до Крымска и осуществлять связь с Большой землей.

После оккупации Анапы 31 августа 1942 года партизанские отряды № 2 и № 3 стали передвигаться в места своей дислокации. Дорогу им показывал

председатель и организатор первого колхоза имени М. В. Фрунзе в Варваровке А. И. Шабельник. За это его семью и еще 20 человек расстреляли румыны.

Сначала партизаны прибыли на перевалочную базу в Сукковскую щель. База размещалась в армейской палатке. Здесь командовал И. М. Анцаков, получивший прозвище «батя» за заботу о людях. Бате пришлось решать судьбу казачьего оружия, представляющего историческую ценность, но непригодного для ведения военных действий. Судя по богатству отделки и надписям на ружьях, саблях и кинжалах, оружие было подарено казакам за службу от имени царя, Суворова и атамана Платова. Пришлось выкопать яму, сложить оружие в рогожные кули и закопать. После войны оружие не нашли. Следующей перевалочной базой партизан стало подсобное хозяйство винзавода в Широкой Щели. Сюда прибыли комендант Анапского сектора обороны, затем командир 225-й бригады морской пехоты подполковник Г. С. Соколовский и капитан-лейтенант Долженко. Им удалось собрать остатки разбитого батальона морской пехоты и разрозненные отряды моряков — всего около полка.

Г. С. Соколовский по радиации связался с советским командованием и должен был вывести матросов к берегу моря в районе мыса Малый Утриш для эвакуации катерами в Геленджик. За моряками вплотную наступали фашисты, и нужно их было задержать на сутки. Решили, что отряд партизан в 40 человек под командованием Алексея Дегтярева задержит немцев у входа в Широкую Щель. Разведка партизан доложила, что преследуют моряков не немцы, а румыны, которые ночью не воевали. За ночь моряки успешно эвакуировались, поэтому партизаны отправились в Лобанову Щель.

Партизанская база располагалась в узкой горной части щели. На широком выступе располагалась шестиместная штабная палатка, в которой размещались начальник штаба Окунь, секретарь Дуся Маркина, командир отряда и комиссар с женой. Ни других палаток, ни землянок не было, поэтому партизаны спали на земле. Еду готовили на самодельной кухне, состоящей из двух обломков скалы. Всего в отряде было 65 человек. Они делились на два стрелковых взвода по 18 человек. Взводами командовали А. И. Дегтярев и А. И. Каруна. Взводом

разведки из 12 человек командовал Кравченко Александр. В хозяйственном взводе И. М. Аншакова было тоже 12 человек — женщины-повара и пекари, пастухи и мастер на все руки В. Шерстюков.

Кравченко Алексей выполнял секретные приказы начальника штаба А. А. Егорова и называл себя поручением по особо важным делам. Первая неделя сентября была спокойная, так как немцы подтягивали тыловые части, а румыны размещали на побережье 44-ю горнострелковую дивизию. В конце недели А. А. Егоров, Алексей Кравченко, Ф. Ф. Пеграш и А. И. Шабельшк проверили семь баз продовольствия и оружия, которые тайно были заложены для отряда № 2 и № 3. К счастью, базы были целы.

Отряд № 3 располагался с другой стороны хребта в Новогирской Щели. В отряде была единственная походная рация. Каждый день в 10 часов связной Леша Черненко ходил в отряд № 3 за сводкой информбюро. Затем комиссар зачитывал ее вслух партизанам.

Для защиты партизанской базы были поставлены три поста наверху у дороги, внизу со стороны моря и на склоне у штабной палатки. Каждый из партизан принял присягу и подписал отпечатанный текст. Выбрали название — «За Родину!» Относительное затишье беспокоило. В Анапу на разведку отправили трех девушек: Соловьеву, Шкуро и Поддубко. Их ждали через четыре дня. Девушек арестовали румыны, Поддубко и Шкуро предали отряд.

Не пришел на базу врач из Сукко Плещеев. Он, его жена и 14-летний сын, по доносу местных жителей, были расстреляны румынами. Отряд остался без врача и медикаментов. Из-за беспечности были арестованы на заставе румынами женщины-хлебопеки. Убежать смогла только Надя Гапий, которая успела предупредить отряд. В этот же день погиб в разведке Андрей Коробов, до войны он работал начальником морпорта. Вечером стало ясно, что к немцам сбежали пастухи-партизаны.

Зная место расположения отряда, немцы разбросали у входа в Лобанову Щель листовки с призывами к сдаче, карикатурами на Ленина и Сталина. В

одной из них говорилось: «Бросай винтовку, кончай войну! Убей командира и жида-комиссара! Сдавайся в плен!»

24 сентября 200 карателей обстреляли минометом и автоматами партизанский лагерь, но в ближний бой не вступили. Несмотря на акцию устрашения, партизаны не переставали собирать сведения о враге, нападать на гарнизоны румын и даже взорвали штаб полка в здании школы Сукко.

После ожесточенного боя с фашистами отряд № 3 ушел из Новогирской Щели. Партизан предал радист Анатолий Яринов, который не только разбил рацию, но и передал фашистам списки двух отрядов, шифры и коды для связи с Большой землей. Теперь отряд № 2 мог знать о событиях на фронте только от разведчиков-моряков, которые ночью высаживались на побережье. 26 октября в 13.30 фашисты предприняли попытку окружить и разгромить отряд. Карателями руководил лично штурбанфюрер СС Герст. Лагерь партизан снова обстреляли из миномета и предложили сдаться. После отказа вновь начался обстрел, и 200 фашистов вступили в ближний бой с двух сторон. Не все партизаны выдержали проверку — были и трусы, и предатели, но остальные героически сражались и отошли за Новогирский перевал тремя группами. Первой, самой большой — из 32 человек, руководил Алексей Дегтярев, вторая группа из 14 человек во главе с А. А. Егоровым и М. Н. Терещенко сразу же пошла в новое место дислокации отряда № 3 за помощью.

Третий отряд остался с раненым в ногу комиссаром. Раненых в отряде было теперь 10 человек. Партизанскую базу пришлось бросить, и фашисты завладели продуктами и вещами. Хуже всего, что им достались присяги и другие документы отряда, что позволило проводить аресты. Партизаны за ночь оторвались от карателей и объединились. Решили через Абрау-Дюрсо прорваться к фронту. Все нуждались в отдыхе. Раненые терпели боль, но больше всего они страдали от жажды. На отдых обосновались в густых зарослях кизила Мокрой Щели. Нужно было найти пищу и воду. В разведку отправили три группы. Ф. Ф. Петраш должен был найти точки с неприкосновенным запасом и принести в отряд. В. Головахин — вернуться в

Лобанову Щель и попытаться забрать у немцев продукты, Пузырев должен был принести воду из колодца на берегу. К вечеру выяснилось, что три партизанские точки в районе Широкой Щели разрыты совсем недавно, и, судя по окуркам немецких сигарет и «бычкам» самосада рядом, не обошлось без предательства. Позже выяснилось, что предали два бойца из отряда № 3. Отряд Виктора Головахина принес сахар-песок, несколько кусков сала, мешочек сухарей и даже махорку. Все раздали каждому бойцу, раненые получили двойную порцию. Воду тоже нашли в Мокрой Щели. Но отдыха не получилось, т. к. в этот же день подошли фашистские каратели не меньше тысячи человек с собаками. Они стали ежедневно с утра до вечера методично прочесывать лес и горы, не жалели патронов. Партизанам приходилось отстреливаться, чтобы избежать окружения. Над этим районом фашисты ежедневно сбрасывали листовки с тем же содержанием, что и в Лобановской Щели.

Партизаны проходили в сутки по 15 километров, путали следы, но оторваться от немцев не могли. Все больше становилось раненых, заканчивались патроны. Прорваться через линию фронта не удалось, так как немецкая «Готекая линия» была хорошо укреплена.

В конце октября удалось объединить отряды № 2 и № 3, часть раненых и больных отправили первого ноября с моряками-разведчиками в Геленджик. С Большой земли поступил приказ о переходе партизан в Натухаевские и Гостагаевские леса. Ночью шли, а днем отсыпались. Обошли Павловку и Сукко, город Анапу и станицу Анапскую. В районе Раевской узнали, что разгромленный партизанский отряд № 1 находится в лесах Темной Гостагайки. С большим трудом пересекли автодорогу Анапа — Тоннельная, по которой сплошным потоком с включенными фарами шли автоколонны немцев с живой силой и боеприпасами. Все это доставлялось по морю из Крыма в Анапский порт и перевозилось к Новороссийску. Только к утру, когда движение пошло на убыль и патрулей стало меньше, удалось осуществить бросок через дорогу.

На новом месте собрались все семь отрядов Анапского куста, но партизан осталось только 300 человек. Борьба продолжалась — выпускали и

распространяли листовки со сводками Совинформбюро, минировали дороги, взорвали мост у станции Анапской. Продуктами снабжал Варениковский отряд, помогало и местное население.

19 ноября 1942 года фашисты во главе с комендантом станции Гостагаевской решили уничтожить партизан. Им помогли предатели, сбежавшие из Варениковского отряда. Партизан предупредил Костя Ивин, они отошли к сопке и заняли круговую оборону.

Фашисты арестовали семьи варениковских партизан и заставили их уговаривать своих родных сдать фашистам. Несмотря на жертвы, партизаны не сдались, вступили в бой, который продолжался 8 часов, но ночью партизанам пришлось отойти и лишиться своих баз. На совещание отрядов решили прорываться через линию фронта, так как в отряде было много обмороженных, больных и ослабленных. Для борьбы с фашистами оставили отряд из 26 лучших бойцов 3 анапских отрядов. Им передали все запасы оружия. В этот отряд вошла единственный врач Э. П. Трофименко. Командиром назначили К. Т. Приходько, а комиссаром П. П. Фролова.

Остальные партизаны были разделены на четыре группы, каждая из которых должна была прорываться самостоятельно. Первую группу предали в совхозе «Вторая пятилетка». А остальные неделю под проливным ледяным дождем без отдыха и тепла шли к линии фронта. Многие из них замерзли или были убиты фронтовыми постами немцев. К 83-й морской бригаде советских войск в районе Кабардинки вышли немногие.

Отряд Фролова к январю тоже исчерпал свои силы и стал прорываться к линии фронта, которую удалось перейти только со второй попытки 14 января 1943 года в районе цементного завода «Октябрь ». В бою погибли М. Н. Терещенко, П. П. Фролов, К. Т. Приходько и многие другие. Раненые и обмороженные получили медицинскую помощь в Геленджике. Многие партизаны вступили в советскую армию и воевали до окончания войны, а потом восстанавливали родной город.

Звание героя получил за освобождение Анапской земли

Поладяну Г. А.

21 сентября 1943 года после освобождения Анапы от немецко-фашистских захватчиков войска Северо-Кавказского фронта продолжали наступательные действия по освобождению Таманского полуострова. Отступая, противник отчаянно сопротивлялся, взрывая мосты, минировав дороги. Освобождение каждого населенного пункта сопровождалось большими жертвами.

Вот скупые строки из журнала боевых действий 351-й стрелковой дивизии о боях за курган Семибратный, который находится у села Джигинка Анапского района.

«Боевое распоряжение № 0162/ОП ШД 351 21.09.43 г. 17.30.

...2. 1161 СП 21.09 выйти на рубеж: восточнее кургана Семибратный.

Командир 351 СД полковник Ворожищев».

К 18 час. 22.09.43 г. части дивизии вышли на западный берег реки Чекон. Наши потери: убито - 7 чел., ранено - 39.

23.09.43 г. Противник оказывал огневое сопротивление из станковых пулеметов, минометов и орудий.

Наступление частей дивизии успеха не имело. Наши потери: убито - 10 чел., ранено - 41.

24.09.43 г. Части дивизии в течение ночи и дня вели бой с противником. Только во второй половине дня, преодолевая яростное сопротивление противника, части дивизии к 18 часам вышли на рубеж: развилка дороги у восточных скатов кургана Семибратный. Наши потери: убито - 55 чел., ранено - 112.

25.09.43 г. В результате решительной атаки части дивизии ворвались в траншею противника, уничтожая врага в рукопашном бою.

Противник при поддержке артиллерийского, минометного и пулеметного огня предпринял несколько массированных контратак. В результате части дивизии отошли на исходное положение, имея большие потери: убито - 20 чел., ранено - 79.

25.09.43 г. После массированной обработки переднего края артиллерийским огнем части дивизии в 16 часов перешли в наступление. 1157-й и 1161-й стрелковые полки, преодолевая сопротивление противника, овладели курганом Семибратный».

Выписка из наградного листа: «25 сентября 1943 г.

В ожесточенном бою за курган Семибратный старший сержант, командир отделения автоматчиков 1161-го стрелкового полка Владимир Тарасевич лично уничтожил более 10 немецких солдат и офицеров. Когда командир роты отошел с передовой линии для подтягивания боевых порядков, Владимир стал командовать первой штурмовой группой и захватил несколько траншей и дзотов, подавил несколько огневых точек противника.

Несмотря на ранение, поле боя не оставил».

Мнение командира полка подполковника А. И. Брик:

«Тарасевич достоин звания Героя Советского Союза».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 г. Владимиру Адамовичу Тарасевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пройдя горнило самой кровопролитной войны на земле, В. А. Тарасевич чудом остался в живых. Служил в Краснодарской высшей офицерской школе штурманов. После демобилизации в 1947 г. он вернулся в родной Новороссийск, где до конца своей жизни трудился на различных должностях на комбинате «Новоросцемент».

Дежурный считается на посту как часовой...

Хоменко Т. К.

Великая Отечественная война всегда привлекала к себе повышенное общественное внимание, что во многом объясняется самой значительностью ее событий, масштабом потерь, затронувших практически каждую советскую семью. Среди разнообразия документального наследия военной эпохи определенную ценность представляют сохранившиеся книги приказов отдельных учреждений. В них — наиболее объективное отражение жизни предприятия во время войны.

Работая в Государственном архиве Краснодарского края в апреле - мае 2011 г., я обнаружила следующие документы из военной истории Анапы: «Книга приказов по Анапской районной больнице. Начата 7 сентября 1942 г., окончена 21 сентября 1943 г.». Это весь период оккупации города. Конкретное отражение событий в хронологической последовательности в течение тринадцати месяцев оккупационного времени позволяют рассмотреть целый ряд «редких» тем и сюжетов повседневной жизни и работы медиков – людей одной профессии и разного возраста.

Оккупация - экстремальная для людей ситуация, в условиях которой совершенно обесценилась, но все равно продолжалась человеческая жизнь. Чтобы выжить, не погибнуть и не умереть с голода, местному населению требовалось приложить много усилий, в том числе медикам, по оказанию людям лечебно-профилактической помощи.

Тонкая папочка-скоросшиватель (40 страниц расходно-приходной амбарной книги исписаны чернилами крупным, порой мало разборчивым почерком) содержит 34 приказа: прием и увольнение сотрудников, их должностные инструкции, графики работ, реалии повседневной жизни личного состава больницы, особенности их потребностей, быта. Приказы заверялись штампом больницы и собственноручной подписью заведующей Верой Александровной Антоновой (1876 г. р.).

Она была опытным врачом-хирургом-гинекологом Анапской больницы, в которой работала с 7 января 1932 года. В.А. Антонова прожила в Анапе долгую трудовую жизнь. Умерла 9 мая 1966 г. и похоронена на старом анапском кладбище. Решением немецкой городской управы Анапы доктор Антонова была назначена заведующей всеми лечебными учреждениями города и аптекой. Первый ее приказ от 7 сентября 1942 г. гласил: «Городскую больницу районного значения на 30 коек полагать открытой с сего дня. Немедленно перевезти больных и остатки инвентаря из Ашхаданки (ныне с. Гай-Кодзор. - Т.Х.), и начать вновь прием больных в стационар». И далее - организационные приказы о приеме на работу медработников: фельдшеров, операционной сестры, дежурных медсестер. Видимо, они ранее трудились на этих должностях, но немцы требовали провести оформление заново. Одновременно в больнице открывалось родильное отделение: одна комната на 5 коек с послеродовой и детской; оборудовалась кухня, столовая, бельевая, кабинет врача, дежурка роддома (приказ № 2 от 8.09.1942 г.). На улице Черноморской (№ дома не указан - «в бывшей терапии». - Т.Х.) открыли поликлинику на четыре врачебных приема. В хирургическом корпусе оборудовали 3 комнаты под аптеку. Заведовать ею стал Губарев Ф.М. с окладом 450 рублей в месяц (приказ № 3 от 9.09.1942 г.). С начала оккупации вводилось платное обслуживание населения. «Согласно предложению районного начальника от 25.01.43 г. и приказу № 9 от 27.01.43 г. заведующей больницей и поликлиникой Др. Антоновой », в Анапе амбулаторный прием стоил 4 рубля, врачебная комиссия - 6 рублей, стационарное лечение - 12 рублей в день. За аборт платили 100 рублей. Деньги взимались при приеме больных, независимо первое посещение или повторное.

Особое внимание было сосредоточено на борьбе с эпидемическими, инфекционными и венерическими болезнями. Фашисты, прежде всего, стремились не допустить их распространения среди немецких солдат.

По заявкам старост в первый же месяц оккупации стали работать фельдшерские пункты. Уже в октябре 1942-го в Анапской больнице было

открыто венерическое отделение, а в декабре - инфекционное отделение, дополнительно на 25 коек (приказ № 20 от 4.12.1942 г.).

Цены в аптеках выросли в два раза.

Режим работы медиков был такой: «с 7 утра до 3 часов вечера - техперсонал. С 7 утра до 2 часов — медперсонал» (приказ № 21 от 6.12.1942 г.). Следует отметить, что все местные лечебно-профилактические учреждения обслуживали только население.

Немецкие коменданты строго указывали солдатам вермахта на необходимость лечения у немецких врачей. В случае их появления у русских врачей, последние обязывались немедленно докладывать об этом, что влекло за собой дисциплинарное наказание провинившихся. Строго спрашивало руководство больницы за нарушение трудовой дисциплины: строгий выговор выносится «за самовольный уход дежурной медсестры с дежурства», «за принятие медсестрой тяжелобольного брюшным тифом и не поставившей в известность об этом зав. отделением и зав. больницей», «за отпуск единственной санитарки отделения»... И приказ № 25 от 19 декабря 1942 г. гласит: «Всем служащим, несущим дежурства, сообщается: дежурный считается на посту как часовой и не имеет права оставлять свой участок, свое отделение. Нарушение этого правила повлечет снятие с работы». Под этим приказом стоят личные росписи 16 медицинских сотрудников больницы.

Вот еще один приказ - .У° 9 от 27 января 1943 г. § 4: «Согласно предложению гл. врача Краснодарского края и гл. врача Антоновой производить оплату по временной нетрудоспособности (по болезни):

- семейным - до 6 недель - 100%, свыше 6 недель - 60%;
- холостым - до 6 недель - 80%. свыше 6 недель - 50%.

Оплата производится на 5% начисления на фонд заработной платы».

Бюджет лечебно-профилактических учреждений на оккупированной территории складывался из средств, выделявшихся местной администрацией (т.е. немецкой управой), из сумм, отчислявшихся хозяйственными организациями, а также платы за оказание медицинской помощи. Но

самоокупаемости не получилось, городская управа денег не выделяла, и появился следующий приказ: «Ввиду безвластия и отсутствия денежных фондов выплаты зарплаты прекращаются с 16 марта 1943 г. Сотрудникам, желающим работать бесплатно до установления порядка, предлагается подать заявления» (приказ № 17 от 16.03.1943 г.). Не все были согласны работать бесплатно, некоторые сотрудники уволились.

В Анапе оккупанты пытались регулировать цены на рынке: выпускали свою информационную газету «Анапский вестник», в которой публиковались многочисленные постановления районной управы с установленными твердыми ценами на все виды продуктов питания (молочные, мясные, растительные), одежду, обувь. Но реальные рыночные цены намного их превосходили: дороговизна жизни выросла в 5-8 раз.

Очень трудно было с продуктами в больнице. Медикам не хватало самого элементарного, но они лечили людей, а порой спасали местное население от каторги. В Анапском музее хранятся воспоминания анапчанки Ольги Георгиевны Голговской, работавшей в больнице медсестрой венотделения с 13 октября 1942 г. Она вспоминает, что В.А. Антонова делала людям внутривенные уколы с акрихином, применявшимся тогда для лечебных и профилактических целей. После таких инъекций лицо приобретало желтый цвет – признак болезни Боткина. Тем самым врач, с огромным риском для собственной жизни, спасала анапчан от отправки в Германию.

В марте 1943 г. все учреждения города были закрыты «ввиду безвластия и сильных бомбежек» - приказ № 17 от 16 марта 1943 г. Оккупационные войска оставили Анапу. «Ввиду окончания продуктов больным беспризорникам Корсун и (неразборчиво. - Т. Х.) предложено устроиться через вновь открытую управу и освободить больницу как выздоровевшим, а оставшиеся продукты обратить на питание беспризорной, ослепшей при бомбежке, постоянной м/сестре Петровой и няне Поповой». И опять письменным распоряжением главврача Анапской городской управы доктора Миллера от 1 июня 1943 г. Вере Александровне Антоновой вновь поручается «наладить работу больницы и

принять нужное количество штатных единиц». До окончания оккупации оставалось около 4 месяцев, фашисты зверствовали. Это видно из приказов по больнице: «Ввиду ареста ст. медсестры Петерговой...»; «Ввиду изъятия комендатурой дезинфектора Троянского – считать его выбывшим...»; «Ввиду изъятия и эвакуации завхоза Кастриопуло...» Это уже сентябрьские приказы за 1943 год.

Последние записи в книге приказов оккупационного периода по Анапской больнице были такими: «20.09.1943 г. Бомбардировкой повреждено здание роддома - вылетели все стекла, двери, повреждена крыша. Поэтому больные подлежат переводу в подвал к хирургическим. Разбит гараж, разбито правое крыло головного корпуса, в котором уничтожена аптека».

«21.09.1943 г. Вечером вступила в г. Анапу Красная Армия - период оккупации закончен. Зав. больницей доктор Антонова» - приказ № 34 от 21 сентября 1943 г. В больнице на 22 сентября с.г. находились 18 человек больных.

Обращение к работе одного конкретного предприятия Анапы в период оккупации (больница, поликлиника и аптека были под единым руководством) позволяет воссоздать конкретный очередной фрагмент исторической реальности, реконструировать в определенных аспектах повседневную жизнь анапчан в это тяжелейшее военное время.

Восстановим наш город...

Плиева Э. Г.

Самым достоверным источником в истории всегда являются документы, в которых не только фиксируются события и факты, но сохраняется и передается дух эпохи, настроения, чувства, чаяния ее современников.

Красноречивым свидетелем первых месяцев жизни освобожденного города является «Письмо трудящихся города Анапы и Анапского района товарищу Сталину И. В.», опубликованное в местной газете «Знамя колхозника» за 24 сентября 1944 года (№ 147).

«Сегодня, 22 сентября, мы празднуем первую годовщину освобождения нашего района от немецко-фашистских захватчиков... Перед Отечественной войной Анапский район был одним из чудесных уголков нашей страны: благодатный климат, южное солнце ежегодно привлекали в Анапу на берег Черного моря десятки тысяч трудящихся и детей на лечение и отдых. Анапа известна не только своими курортами, золотым пляжем, детским санаторием «Бимлюк», но и основной сырьевой базой производства советского шампанского. С каждым годом росло и развивалось виноградарство и виноделие. Об анапском рислинге, каберне и Советском шампанском знали далеко за пределами Краснодарского края. Экспонаты виноградников крупнейшего в нашей стране виноградарского совхоза им.Молотова, совхоза Джемете, колхозов-миллионеров: им. Кирова, им. Коминтерна, им. Фрунзе и другие ежегодно украшали стенды павильона Виноградарства и Плодоводства, стенды павильона Северного Кавказа на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке...

Шло в гору колхозное животноводство, каждый колхоз имел по 6 животноводческих ферм. В Анапе и районе работали сельскохозяйственный техникум, 6 средних школ, театр, кино, музей, росла сеть клубов, библиотек.

С каждым годом жизнь становилась красивее и богаче. И вот на все это, на нашу свободную и счастливую жизнь посмели посягнуть гитлеровские мерзавцы.

13 месяцев находились мы под гитлеровским сапогом. Со звериной злобой немецкие варвары уничтожали советских людей. За 13 месяцев они расстреляли и замучили около 3 тысяч анапчан и 8 тысяч человек угнали на германскую каторгу. Немецкие погромщики взорвали и сожгли все винные заводы, хлопкозавод, предприятия местной промышленности, все санатории, дома отдыха, сельскохозяйственный техникум, все школы, все лучшие дома в городе, селах, совхозах. Уничтожили МТС, с/х инвентарь, разграбили и уничтожили колхозное животноводство и скот личного пользования колхозников. Разрушена зонально опытная станция виноградарства и виноделия, уничтожен 491 га виноградников.

Проклятая немчура причинила нам огромный ущерб. Только по городу убытки составляют более 200 млн. рублей, не считая огромного урона, причиненного каждому из нас, советских граждан. 13 месяцев господства немецких бандитов наложили страшный отпечаток на всю нашу жизнь, всюду остались кровавые следы фашистского зверя...

Пережив все ужасы черных дней немецко-фашистской оккупации, испытав нечеловеческие издевательства, мы, подписывая письмо от казаков и казачек, рабочих и работниц и интеллигенции советской Кубани, поклялись Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, именем своих седых предков, своих любимых детей возродить из пепла и развалин родную Кубань, отдать все свои силы, всю свою жизнь без остатка ради победы над ненавистным врагом». Действительно, сравнивая фотографии довоенного и послевоенного периода, ощущаешь боль от таких разительных перемен. По воспоминаниям анапчанина А. П. Алехина, который вернулся в Анапу на пятый день после освобождения, город представлял сплошные развалины. Улицы Пушкинская, Калинина, Кирова, Крепостная, Ленина, Черноморская (до Протапова), район порта и сам порт были завалены разрушенными домами. На улице Крепостной раньше стояли три красивых двухэтажных здания сельскохозяйственного техникума, средней школы и райисполкома. Теперь же от них остались части разрушенных стен. На город было страшно смотреть. Он остался без воды, света и

продовольствия. Окрестности являли собой пустырь. Базара не было, потому что нечем было торговать, а позже, когда он появился, цены сильно кусались: молоко, например, стоило 80 рублей за литр, стакан проса — 15 рублей, а картошки и капусты не было вообще.

Телефонная станция, телеграф и радиоузел не действовали. Медицинский работник Т. С. Коняхина, будучи очевидцем тех событий, пишет, что здания малярийной станции, райполиклиники, аптеки, инфекционного отделения и амбулаторий в станицах Анапской, Благовещенской, в селе Варваровка были уничтожены полностью.

Страницы старых газет красноречиво рассказывают о той поистине героической борьбе, которая развернулась за восстановление любимого города. Девиз того времени — каждый анапчанин должен принять участие в восстановлении города, рабочие, служащие, домохозяйки должны стать каменщиками, штукатурами и кровельщиками и работать во внеурочное время. Нельзя забывать о том, что война еще продолжалась и восстанавливали город женщины, старики и дети.

В феврале 1944 года состоялась первая сессия Анапского районного Совета депутатов трудящихся после изгнания немецких захватчиков. С докладом «О выполнении решений партии и правительства — о восстановлении народного хозяйства» выступил председатель райисполкома Степан Фомич Шаповаленко («Знамя колхозника», 5.02.1944, № 20).

Докладчик отметил, что силами коллективов рыбцеха, гормолзавода, райпромкомбината, райздравоотдела восстанавливаются разрушенные здания и организована работа в них. С октября начали работать школы, в которых обучается около 3 тысяч детей. Открылись райбольница, поликлиника, амбулатория, идет ремонт тракторов, работают прядильная и ткацкая фабрики. Был определен дальнейший план по восстановлению хозяйства. Директор Анапской МТС т. Петров заверил сессию, что все имеющиеся трактора будут отремонтированы. Заведующий торговделом т. Жуков сетовал на отсутствие транспорта. Директор средней школы ст. Анапской депутат-орденоносец т.

Пашенко — о слабом подборе кадров, опоздании с завозом товаров в район, о необходимости постройки школы, так как «дети ютятся в простых крестьянских избах». Директор Анапского торгового пункта указала на сложности снабжения столовых овощами, на отсутствие транспорта и снастей у рыбаков. Главная проблема, которая тормозила восстановление города, заключалась в отсутствии больших денег. Обустроив одно здание, приходилось полностью разбирать другое. Именно по этой причине анапчане больше не увидели одно из красивейших дореволюционных зданий Анапы — курзал. Именно по этой причине восстановление двигалось «черепашьим шагом».

Тем не менее энтузиазм, с которым работали люди, был велик. Директорами предприятий были взяты обязательства по восстановлению водопровода, строительству новых домов, восстановлению и ремонту полуразрушенных служебных помещений. Информация о ходе работ звучала со страниц местной газеты «Знамя колхозника». Именно с ее страниц мы узнаем о том, что «коллектив райбольницы дружно работает в свободное от работы время над восстановлением здания».

С утра и до позднего вечера трудится медсестра Вера Коденко. На покраску кроватей, очистку территории отдала 15 воскресников медсестра Н. А. Эдельсон. На побелке и других работах трудятся сестры Костина, Сидорова, Ниякая, санитарки Гайдарина, Араваева, Кошель, Приймак, Паскевич, Скиба, Попова. Бесплатно пошили белье и халаты для больных кастелянша Минина, сестры Михайлова, Аншукова, Крылова. Плотник Шкрумов в сверхурочные часы остеклил инфекционное отделение» (№ 68 от 5.05.44).

Там же читаем: «Радиотехник Перов взял обязательство сделать заново усилитель из обломков оборудования радиоузла, сожженного немцами».

Электротехник горэлектросети Семикин обязался отремонтировать и установить извлеченный из моря газогенератор.

Коллектив техникума взял обязательство отработать в течение года по 100 часов каждый на восстановлении техникума. Весь коллектив дружно взялся за работу. Особенно хорошо работают Козлова, Скоринова, Мудрая, Складенко

и другие» (№ 129 от 19.08.44). На совещании учителей города и района, которое состоялось уже в начале января 1944 года, были подведены итоги работы за 1 четверть. Несмотря на то, что практически все школы были разрушены, учащимся были выделены временные помещения. Общее количество обучающихся было — 2820, учителей — 106.

Успеваемость и посещаемость «хромали». Итоги работы были признаны недостаточными, и коллектив учителей также взял обязательство добиться лучших показателей. В сентябрьском номере заведующий районо Я. Сучков уже сообщил о том, что многие школы подготовились к приему детей, но особенно отличилась школа ст. Анапской, где не только отремонтированы все помещения, но и «переделаны по росту детей столики и скамьи, изготовлены доски и даже сделаны шведские счеты». Впервые в этом году пришли в школы 757 юных анапчан. Толя Юрьев семи лет сказал, что «как его папа с ружьем защищает Родину, так и он с книгой и тетрадкой будет громить врага» и прочитал стихотворение:

«Берите книгу и тетрадь, как старшие ружье,
Учитесь жить и защищать Отечество свое!»

(№ 138 от 3.09.44)

Учащиеся по мере сил принимали самое непосредственное участие в восстановительных работах. Студенты сельхозтехникума в свободное от занятий время отремонтировали дом на углу улиц Тираспольской и Крепостной. В этом доме потом разместилась столовая техникума (№ 114 от 23.06.44). В совхозе Джемете пионеры и школьники после учебы ежедневно работали на уборке парка (№ 61 от 20.04.44). Ученики бондарного цеха совхоза им. Молотова Миша Догадин, Коля Олешко и Миша Стуконог быстро овладели бондарным мастерством и наравне с взрослыми изготавливали ведра, черпаки и другие мелкие изделия, необходимые для виноделия и в быту (№ 62 от 22.04.44).

Жены советского и партийного актива организовали 4 бригады, которые работали по три часа ежедневно на расчистке Пушкинского сквера, уборке

кинотеатра, устройстве газонов, цветников, дорожек и посадке деревьев и кустарников (№ 37 от 9.03.44). Жены офицеров, проживающих в Анапе, отремонтировали 32 комнаты в гостинице «Пятилетка». Многие домохозяйки в совхозе им. Молотова работали на обработке виноградников, выполняя стахановские нормы (№ 48 от 28.03.44). Газеты этого времени просто пестрят фамилиями как проявивших себя, так и провинившихся.

Сообщается о каждом, на первый взгляд, незначительном событии, но каждое из них приближало к нормальной, довоенной жизни. Открывались избы-читальни, ясли, детсады, библиотеки, проводилась телефонизация города и района.

Закончилась Великая Отечественная война. Началось восстановление народного хозяйства Советского Союза, в том числе было уделено большое внимание восстановлению пострадавших курортов — как расположенных в Крыму, так и на Северном Кавказе. Многие курорты получили значительные средства для их восстановления и были включены в первую послевоенную пятилетку по восстановлению народного хозяйства.

Анапа в эти планы не вошла. Сейчас можно только гадать об истинных причинах такого положения: неактивная политика местных органов или отсутствие средств. Но факт остается фактом, что до середины 50-х город восстанавливался местными жителями и за счет местных средств.

Москвич А. П. Нетунахин, до войны не раз посещавший Анапу по причине болезни своей дочери, приехал в город в 1946 году. В своих воспоминаниях он пишет: «Анапа как курорт была ликвидирована полностью...

Посещая Анапу ежегодно, я с большим сожалением смотрел на ее развалины и на десятки тысяч курортников, приехавших с детьми, чтобы отдохнуть и полечиться, но курортных условий не было...»

Как и город, курорт пришлось строить заново. В 1946 году за речкой Анапкой было развернуто 16 летних палаточных пионерских лагерей, в которых за сезон побывало почти 3 тысячи детей. Постепенно восстанавливались санатории. Только в 1958—1960 гг.

Совет Министров РСФСР рассмотрел вопросы, связанные с развитием курортов на Черноморском побережье, и принял соответствующее решение, по которому в Анапе начались полномасштабные работы по строительству курортных, торговых и других учреждений. Долго еще Анапа залечивала военные раны, и поклон ее жителям, вынесшим на своих плечах годы лихолетья.